

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

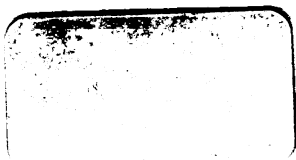
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*
1817

ARTS SCIENTIA VERITAS

Чечулинъ, Николай Емиліевичъ.

РУССКІЙ
СОЦІАЛЬНЫЙ РОМАНЪ
XVIII ВѢКА.

(ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЗЕМЛЮ ОФІРСКУЮ
Г. С. ШВЕЦКАГО ДВОРЯНИНА" СОЧИ-
НЕНІЕ КНЯЗЯ М. М. ЩЕРБАТОВА)

Н. Д. ЧЕЧУЛИНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «В. С. Багашевъ и К^о». Фонтанка, 95.

1900.

61-209907.

891.78
S536pм 0
C52
1960.

Надечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1900 г.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПАМЯТИ

Василія Григорьевича

Васильевскаго.

I.

Въ собраніи сочиненій князя М. М. Щербатова, издаваемомъ подъ редакцію И. П. Хруцова и А. Г. Воронова ¹⁾, напечатаны до тридцати извѣстныхъ уже ранѣ произведеній Щербатова и слѣдующія неизданныя: „Путешествіе въ землю Офирскую г. С., швецкаго дворянина“ (т. I, 749—1060), „Разговоръ о безсмертіи души“, „Разсмотрѣніе о жизни человѣческой“, „О выгодахъ недостатка“, „Размышленіе о сжествѣ“ (эгоизмъ, себялюбіи), „О способахъ преподаванія разныхъ наукъ“, „О пользѣ науки“ (II, 309—618) и „Письмо къ другу въ Пензу“ (II, 625—630). Всѣ эти произведенія такого виднаго и характернаго дѣятеля XVIII столѣтія какъ князь Щербатовъ, конечно, представляютъ большой историческій интересъ; особенно же заслуживаетъ вниманія «Путешествіе въ землю Офирскую». Это, къ сожалѣнію, неоконченное произведеніе—самое обширное изъ всѣхъ политическихъ и публицистическихъ сочиненій князя Щербатова; оно представляетъ изъ себя ничто иное, какъ социальный романъ и является единственнымъ извѣстнымъ пока оригинальнымъ въ русской литературѣ представителемъ произведеній этого рода, въ

¹⁾ Сочиненія князя М. М. Щербатова. Томъ первый. Политическія сочиненія. Подъ редакціей И. П. Хруцова. Изданіе князя Б. С. Щербатова. Съ портретомъ. С.-Пб. 1896.—То же. Томъ второй. Статьи историко-политическія и философскія. Подъ редакціей И. П. Хруцова и А. Г. Воронова. Изданіе князя Б. С. Щербатова. С.-Пб. 1898.

свое время весьма распространеннаго въ литературѣ западно-европейской; уже по одному этому „Путешествіе въ землю Офирскую“ заслуживало бы полнаго вниманія; а такъ какъ и кромя того въ немъ съ особенною опредѣленностью выясняются нѣкоторые взгляды и идеалы автора, въ другихъ его произведеніяхъ лишь въ общихъ чертахъ намѣченные, то мы думаемъ, что нѣкоторыя наблюденія надъ происхожденіемъ и составомъ этого „Путешествія“ и разборъ его содержанія не будутъ вполнѣ лишними въ глазахъ людей, интересующихся русскою исторіей XVIII столѣтія.

Содержаніе „Путешествія въ землю Офирскую“ слѣдующее:

Нѣкій шведскій дворянинъ С., отъ имени котораго ведется разсказъ, послѣ неудавшагося заговора противъ господствующей партіи бѣжалъ со своимъ отцомъ изъ Швеціи во Францію; здѣсь онъ окончилъ свое образованіе, начатое въ Упсальскомъ университетѣ, и поступилъ на военную службу. Въ 1765 году, послѣ смерти отца, г. С. уѣхалъ во французскія оствиндскія владѣнія, тамъ провелъ 11 лѣтъ и между прочимъ у одного брамина научился санскритскому языку. Въ 1766 году онъ отправился обратно въ Европу. Недалеко отъ мыса Доброй Надежды его корабль былъ подхваченъ страшною бурей, которая въ теченіе шести дней несла путниковъ къ югу; когда буря утихла, мореплаватели съ удивленіемъ увидали себя на $58\frac{1}{2}^{\circ}$ южной широты, куда не проникалъ еще ни одинъ европейскій корабль; море оказалось совершенно свободно и лишь кое гдѣ плавали небольшія льдины. Однако, корабль пострадалъ отъ бури настолько, что продолжать на немъ путь было уже очень трудно и часть матросовъ подняла открытый бунтъ противъ капитана, который препятствовалъ ихъ намѣренію бросить корабль и отправиться далѣе на единственномъ удѣлѣвшемъ ботѣ. Положеніе было критическое, какъ вдругъ съ корабля замѣчена была земля, а когда корабль нѣсколько приблизился къ ней—открылся на берегу городъ и, наконецъ, показались нѣсколько лодокъ, направляющихся на встрѣчу къ терпящимъ бѣдствіе. По приближеніи къ нимъ съ одной лодки поднялся человекъ, весьма дружелюбно привѣтствовалъ мореплавателей и просилъ у нихъ разрѣшенія оказать имъ помощь; говорилъ онъ по санскритски и г. С., единственный человекъ на ко-

рабѣ, знавшій этотъ языкъ, служилъ какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, переводчикомъ. Отказавшись отъ всякаго вознагражденія, эти благодушные люди самымъ энергичнымъ образомъ принялись помогать путешественникамъ и благополучно доставили корабль въ гавань.

Путешественники оказались въ странѣ Офирской, въ городѣ Перегабѣ, на р. Невѣи. Правительство страны постановило оказать имъ всевозможную помощь, а пока корабль исправлялся путники были размѣщены у разныхъ чиновниковъ. Прибывшіе познакомились мало по малу со всѣми должностными лицами города, начиная съ менѣе чиновныхъ и послѣдовательно вступая въ сношенія съ чинами высшими и вышими; всѣ принимали ихъ чрезвычайно дружелюбно, были очень привѣтлывы и обязательны. Образъ жизни и обстановка каждаго чиновника отличались ббльшими или меньшими удобствами въ строгомъ соотвѣтствіи съ его чиномъ и должностью, но вообще всѣ жили чрезвычайно просто и сразу поразили путешественниковъ своимъ добродушіемъ, скромностью, чистотою своихъ нравовъ и у г. С. это первое впечатлѣніе впоследствии все укрѣплялось и укрѣплялось. Европейцы же, наоборотъ, показали себя въ землѣ Офирской съ самой дурной стороны: на другой же день по прибытіи въ Перегабѣ матросы корабля напились пьяными, затѣяли съ офирцами драку и убили одного мѣстнаго жителя. Это непріятное происшествіе доставило автору случай познакомиться съ уголовнымъ судопроизводствомъ офирцевъ, законъ которыхъ повелѣвалъ всякое уголовное дѣло рѣшать немедленно, по возможности не выходя изъ суда. Убийца не былъ открытъ—ему грозила смертная казнь; зачинщикъ драки былъ приговоренъ къ двухлѣтней каторгѣ, изъ остальныхъ участниковъ драки десятый человекъ по жребію—къ годичной; семь убитаго присуждено 6 фунтовъ золота; такъ какъ преступленіе было совершено иностранцами, то судъ постановилъ взыскать штрафную сумму и ограничиться возможно скорѣйшею высылкою этихъ путешественниковъ изъ страны, а до отправленія рѣшено было держать ихъ подъ арестомъ; офицерамъ корабля въ приговорѣ было выражено порицаніе, за то что они оставили безъ присмотра спиртные напитки: вино было совершенно неизвѣстно офирцамъ, показалось имъ ядомъ и обычность его употребленія чрезвычайно ихъ поразила.

Пока производилось исправленіе корабля,—на что потребовалось менѣе трехъ недѣль, благодаря искусству и неутомимости офирцевъ—г. С. ознакомился съ Перегабомъ. Городъ этотъ былъ построенъ го-

сударемъ Перегой, который создалъ городъ на новомъ мѣстѣ, крайне неудобномъ и болотистомъ, но вблизи моря, и перенесъ туда резиденцію изъ древней столицы Квамо, лежавшей среди государства. Съ теченіемъ времени, однако, стали слишкомъ замѣтны неудобства Перегаба какъ столицы и за 1700 лѣтъ до описываемыхъ событій столица возвращена была въ Квамо. Авторъ посѣтилъ храмъ офирцевъ, познакомился съ ихъ священникомъ; узнавъ отъ него главнѣйшія черты религіознаго ученія офирцевъ и ихъ церковнаго устройства, авторъ сообщаетъ ихъ въ своемъ сочиненіи, описываетъ важнѣйшіе религіозные обряды офирцевъ и даетъ переводъ ихъ молитвъ; вѣроученіе офирцевъ показалось ему чрезвычайно замѣчательнымъ, нравственныя ихъ правила—въ высшей степени разумными и ясными; заслужило одобренія автора и то, что религія почитается у офирцевъ частью полиціи и что публичное исполненіе религіозныхъ обрядовъ возлагается на чиновъ полиціи.

Когда корабль былъ уже почти исправленъ, г. С. вдругъ заболѣлъ; корабельный докторъ нашель, что у него „во всемъ тѣлѣ распространился антоновъ огонь“ и что онъ неизбежно долженъ умереть. Но офирскіе врачи объявили, что эта болѣзнь безусловно излечима, только для выздоровленія погребется не менѣе мѣсяца, въ теченіе котораго больной ни подъ какимъ видомъ не долженъ быть близко отъ воды; такимъ образомъ г-ну С. приходилось отказаться отъ мысли уѣхать въ Европу на своемъ кораблѣ; перспектива остаться въ совершенно чужой, мало извѣстной странѣ была ему очень грустна; но мѣстные начальники дали ему формальное обязательство доставить его на мысъ Доброй Надежды, куда они обыкновенно отправляютъ свои корабли, хотя и не ежегодно, но не рѣже, чѣмъ черезъ два года, и послѣ этого путешественникъ остался въ Офирской землѣ довольно спокойно. Въ скоромъ времени ему привелось познакомиться съ Агибѣ, однимъ изъ высшихъ сановниковъ офирскаго государства; г. С., спрашивая объ этомъ Агибѣ того офицера, у котораго онъ жилъ, познакомился съ порядками военной и гражданской службы у офирцевъ, которые нашель очень замѣчательными и полезными для государства. Обширныя познанія г-на С. въ артиллеріи доставили ему уваженіе офирскаго сановника; Агибѣ велъ съ г. С. длинныя разговоры, изъ которыхъ г. С. узналъ много интереснаго объ Офирской землѣ. Восхищаясь постоянно мудрымъ устройствомъ невѣдомой дотогѣ земли (I, 805, 848, 892, 969, 1055 и др.), г. С. со своей стороны заслужилъ такое расположеніе Агибѣ, что тотъ, при посѣщеніи

Перегаба офирскимъ императоромъ, представилъ ему путешественника, заранѣе уже наилучшимъ образомъ рекомендованнаго. Императоръ тоже живо заинтересовался свѣдѣніями въ военномъ дѣлѣ, которыми г. С. охотно дѣлился со своими новыми друзьями, отнесся къ нему очень милостиво и пригласилъ его отправиться въ столицу имперіи Квамо.

Во время этого переѣзда, совершеннаго совместно съ Агибѣ, г. С. ознакомился съ разными сторонами внутренняго устройства земли Офирской, порядками которой по прежнему не переставалъ восхищаться, находя ихъ образцовыми и вполне обеспечивающими благополучіе страны.

Прежде всего путешественникъ посѣтилъ, въ четырехъ лье отъ Перегаба, Сисео, «единный развалившійся замокъ, который былъ весьма великолѣпнаго зданія». Нѣкогда тутъ былъ великолѣпный увеселительный лѣтній дворецъ офирскихъ государей; въ описываемое время въ части прежнихъ дворцовыхъ зданій былъ устроенъ обширный фаянсовый заводъ; затѣмъ г. С. проѣхалъ обширное поселеніе, которое походило на городъ—это оказалось мѣстомъ жительства солдатъ; Агибѣ изложилъ своему спутнику организацію военныхъ силъ царства Офирскаго, основанную на системѣ военныхъ поселеній—г. С. нашелъ ее чрезвычайно замѣчательною и соответствующею истинной пользѣ государства. Въ г. Габинови г. С. имѣлъ случай посѣтить школу офирцевъ и ознакомился съ содержаніемъ въ нихъ воспитанниковъ, со способами преподаванія, отчасти и съ учебниками—все, по прежнему, казалось ему чрезвычайно хорошо устроеннымъ. Остановка въ имѣніи одного родственника Агибѣ дала г-ну С. случай видѣть деревенскую жизнь офирцевъ и отношенія помѣщиковъ-дворянъ къ бѣднымъ жителямъ страны. Черезъ нѣсколько менѣе замѣчательныхъ городовъ путники прибыли въ городъ Тервекъ, поразившій г-на С. множествомъ развалинъ; на высказанное имъ предположеніе, что нѣкогда городъ этотъ былъ значительно богаче, Агибѣ возразилъ, что, напротивъ, онъ богаче и благополучнѣе теперь, ибо прежде былъ великолѣпно обстроенъ вовсе не въ соответствіи со средствами или потребностями жителей, а единственно по прихоти тогда царствовавшего государя. По этому поводу Агибѣ высказываетъ нѣсколько мыслей о городахъ и ихъ созиданіи—и эти замѣчанія г. С. тоже признаетъ весьма благоразумными. Столица имперіи, Квамо, лежитъ на рѣкѣ того же имени. Городъ еще издали поразилъ г-на С. своимъ великолѣпнымъ и оригинальнымъ видомъ, благодаря множеству

башенъ и бѣлыхъ каменныхъ зданій, выдѣлявшихся среди массы деревянныхъ. Квамо, какъ мы уже упомянули, былъ въ древности столицей государства, затѣмъ въ некоторое время резиденціей государей былъ Перегабъ, а послѣ того, по завѣту одного мудраго императора, потомки его снова переселились въ Квамо. Жилище государей офирскихъ представляло собою какъ бы отдѣльную часть города, наполненную множествомъ зданій, большею частью соединенныхъ между собою; кромѣ собственно дворца тутъ помѣщались всѣ высшія учрежденія страны, тутъ же было и множество храмовъ; нѣкоторые изъ нихъ предназначены были для отдѣльныхъ членовъ царскаго семейства; тутъ же находился и старинный храмъ, въ которомъ государи офирскіе „пріемлютъ корону и дѣлаютъ присягу народу своему“; вниманіе г-на С. привлечено было также стариннымъ крыльцомъ, оставшимся еще отъ временъ династии, предшествовавшей той, которая царствовала въ описываемое время. Вскорѣ послѣ пріѣзда г. С. представлялся императрицѣ и двумъ сыновьямъ государя—старшему было 7 лѣтъ, младшему 5 лѣтъ—и по этому поводу Агибѣъ разсказалъ ему длинную романтическую исторію воспитателя царскихъ дѣтей, Бомбей-Горы, который въ своей дѣятельности проявилъ всевозможныя добродѣтели: храбрость, мудрость, великодушіе, щедрость, скромность съ равными и низшими, смѣлость предъ государемъ и пр. На вопросъ г-на С.—изъ какого рода императрица, Агибѣъ сообщилъ, что ихъ императоры женятся на офирскихъ же дѣвушкахъ и привелъ своему собесѣднику очень убѣдительные доводы въ пользу такого порядка. Путешественнику по повелѣнію императора былъ сообщенъ списокъ всѣхъ государственныхъ учреждений, находящихся въ Квамо, и всего, что заслуживаетъ въ этомъ городѣ вниманія, и онъ началъ осмотръ достопримѣчательностей города. Прежде всего онъ посѣтилъ „погребальнище“, гдѣ офирецъ, сопровождавшій его въ этомъ обзорѣ, указывая надгробныя памятники разныхъ государей, сообщилъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія изъ прошлаго Офирской земли и нѣкоторыя черты отношеній офирцевъ къ своимъ императорамъ. Затѣмъ г. С. посѣтилъ загородныя императорскія дома; это были не роскошныя увеселительныя замки, какъ обыкновенно въ Европѣ, а образцовыя благоустроенныя усадьбы, которыя оказывали сильное и благотворное вліяніе и на хозяйство частныхъ лицъ. Далѣе авторъ посѣтилъ „помѣстную палату“, вѣдавшую всякія поземельныя дѣла, ознакомился съ ея порядками, которые онъ нашелъ прекрасными, наконецъ посѣтилъ „высшее правительство“—нѣчто въ родѣ государственнаго совѣта

или сената; на описаніи его, тоже образцовыхъ, порядковъ „Путешествіе въ землю Офирскую“ и прерывается.

Уже при первомъ же знакомствѣ съ „Путешествіемъ“ не можетъ, намъ кажется, не явиться мысль, что князь Щербатовъ въ своемъ описаніи Офирской земли постоянно имѣеть въ виду Россію; нѣкоторыя частности „Путешествія“ утверждаютъ въ этой мысли вполнѣ.

Городъ *Перегаба*, куда попали путешественники—несомнѣнно Петербургъ: основанъ онъ великимъ государемъ *Перегой* въ устьяхъ рѣки *Невиі*; этотъ императоръ „нашелъ государство свое непросвѣщенное и погруженное въ варварство“; онъ „первый учредилъ (у офирцевъ) порядочное правленіе, учредилъ познаніе наукъ и военнаго искусства“; до него офирцы „не производили торговли съ разными народами; хотѣлъ онъ оную (въ) страну свою привлечь, но не имѣлъ пристанищъ“; чтобы приобрѣсти „пристанище“ онъ началъ войну съ соседнимъ народомъ *дысами* (*дысы*—очевидно *сведы*), „покорилъ многія ихъ области и во время самой войны градъ сей во имя свое создалъ“; земля тутъ неплодородная, болотистая, „уступокъ, можно сказать, моря“; во вновь созданный „сей градъ, изъ болота, противу чаянія и противу естества вещей“, Перега перенесъ столицу изъ древняго города *Квамо* (очевидно, Москва), лежащаго въ срединѣ имперіи, на разстояніи 80 *лимъ* отъ Перегаба—„лимъ мѣра долготы; виѣщается ихъ 10 въ градусъ“, говоритъ авторъ въ примѣчаніи—очевидно это миля и Перегаба отъ Квамо оказывается на 800 верстъ, то-есть на такомъ же почти разстояніи, какое считалось въ XVIII вѣкѣ между Петербургомъ и Москвою по тогдашней дорогѣ. Перегаба разросся, принялъ роскошный видъ, обстроился великолѣпными зданіями—во время посѣщенія города господиномъ С. они лежали въ развалинахъ. Въ изложеніи условій, при какихъ столица перенесена въ Перегаба, и соображеній, въ силу которыхъ полезно было возвратитъ ее въ Квамо—много почти дословно сходнаго съ „Прошеніемъ Москвы о забвеніи ея“¹⁾. При описаніи пути отъ Перегаба къ Квамо въ *Сисео*, бывшей лѣтней императорской резиденціи (899—901), немудрено узнать Сарское Село, въ г. *Габиновіи* (915)—Новгородъ, *Тервекъ* (953)—Тверь, гдѣмъ болѣе, что около Габиновіи течетъ р. *Холбо* (872), очевидно Волховъ, а Тервекъ стоитъ на верховьяхъ большой рѣки *Голвы*, еще не получившей въ этомъ городѣ значительной ширины очевидно это Волга. Что подъ вымышлен-

¹⁾ Ср. „Сочиненія князя М. М. Щербатова“, т. I, 791—793“ и II, 58, 64.

нымъ именемъ Щербатовъ желалъ изобразить Россію — еще яснѣ видно изъ описанія царства Офирскаго, которое авторъ заимствуетъ съ доставленной ему Агибѣ карты. Нѣкоторыя географическія имена не поддаются нашему объясненію, но и тѣ, которыя разъяснить нетрудно, дѣлаютъ наше предположеніе, смѣемъ думать, несомнѣннымъ.

Земля офирцевъ граничитъ между прочимъ съ одной стороны съ народомъ дысвы, подъ именемъ которыхъ, какъ мы уже говорили, подразумеваются сведы, съ другой— „*Паллами*, единою республикою, довольно сильною по естественному положенію, но ослабленною царствующими въ ней неустройствами“ (870—871),—трудно не узнать тутъ Польшу. Царство Офирское заключаетъ въ себѣ 15 областей; за исключеніемъ одной всѣ онѣ называются по имени своего главнаго города и суть слѣдующія: *Кзамо*, *Аиара*, *Маміело*, *Габиновія*, *Перегабская*, *Гарибія*, *Варіажъ*, *Офироманская*, съ главнымъ городомъ *Ески*, *Жениибы*, *Замта*, *Ситюая*, *Ефонбіагъ*, *Олботская*, *Куикреуцкая*, *Яарикъ* и *Бросива*. Допустивъ въ этихъ именахъ такую же перестановку буквъ, приѣмъ какой уже были отмѣчены, мы въ г. Евки безъ труда узнаемъ Кіевъ, причемъ и помѣщеніе его главнымъ городомъ въ губернію Офироманскую указываетъ на древнѣйшую связь имени всего государства съ областью этого города—то-есть, на такую именно связь, какая существуетъ въ имени Россіи съ древнею областью г. Кіева; въ городѣ Занга нетрудно узнать Казань, въ губерніяхъ Олботской и Куикреуцкой—Тобольскую и Иркутскую, наконецъ въ Бросивѣ—Выборгъ. Имена рѣкъ въ Офирской землѣ тоже являются во многихъ случаяхъ измѣненіемъ именъ рѣкъ Россіи; кромѣ уже упомянутыхъ рѣкъ Голвы и Холбо авторъ называетъ еще слѣдующія: *Унидва*, *Предна*, *Олботъ*, *Бю*,—очевидно Двина. Диѣпръ, Тоболь, Обь; къ тому же и протекаютъ эти рѣки какъ разъ по тѣмъ губерніямъ офирской земли, по какимъ—если наши толкованія ихъ именъ правильны—протекаютъ соответствующія имъ рѣки и въ Россіи. Наконецъ, правильность нашего толкованія доказывается сравненіемъ краткихъ замѣчаній о природѣ каждой области Офирской земли съ описаніемъ—болѣе подробнымъ, конечно—отдѣльныхъ губерній Россіи въ сочиненіи князя Щербатова „Статистика въ разсужденіи Россіи“ (ср. 871—875 и 479—532). На основаніи такого сравненія, а мѣстами принимая въ расчетъ и номенклатуру Щербатова, совершенно согласующуюся съ результатами этого сравненія, мы можемъ считать за несомнѣнное, то подъ именемъ губерніи Агиара Щербатовъ описывалъ Архангель-

скую, Маміело—Смоленскую ¹⁾, Гарибія—Бѣлгородскую, Варіажъ—Воронежскую, Женигибы—Нижегородскую, Сигіогая—Астраханскую ²⁾, Ефонбіагъ—Пермскую провинцію Казанской губерніи ³⁾, Яриксь—Рижскую и Ревельскую губерніи ⁴⁾.—Мы видимъ, что дѣленіе, приписываемое княземъ Щербатовымъ Офирскому царству, не совпадаетъ съ дѣленіемъ Россіи на губерніи въ царствованіе Екатерины II—но это различіе составляетъ, можно сказать, одну изъ цѣлей Щербатова: въ обширномъ разсужденіи Агибѣ изложены взгляды автора на то, чѣмъ руководствуясь вообще и какъ именно надо дѣлать государство на области.

Съ внѣшней стороны, однимъ словомъ, несомнѣнно, что въ описаніи царства Офирскаго Щербатовъ имѣетъ постоянно въ виду Россію; что же касается тѣхъ порядковъ, которые будто бы въ этомъ вымышленномъ государствѣ существовали, его устройства вообще—то совершенно очевидно, съ одной стороны, что почти всѣ недостатки и ошибки во внутреннемъ управленіи, въ какихъ князь Щербатовъ упрекаетъ современную ему дѣйствительность русской жизни—въ землѣ Офирской или просто отсутствуютъ, или устранены хорошими установленіями мудраго государя, о которыхъ неоднократно

¹⁾ Сходство въ описаніяхъ губерніи Маміело и Смоленской—меньшее, чѣмъ въ описаніи большинства другихъ, однако: „Маміело... имѣетъ протекающіи великія рѣки Предну и Вму; посредственнаго плодородія; имѣетъ множество лѣсовъ и земли оскудѣнія“ (872)—„Смоленская... имѣетъ множество лѣсовъ и хотя земля въ ней сама собою и не весьма плодородна“... и т. д. (486).

²⁾ „Сигіогая... протекающая въ ней одна великая рѣка Голва, которая по-даетъ способъ жителямъ великое богатство ловленіемъ рыбы получить; земля хотя великое множество и пространностію своею она равняется съ наинаселеннѣйшими, но весьма мало плодоносныхъ, чего ради и получаетъ хлѣбъ изъ другихъ мѣстъ“ (879—874); въ „Астраханской губерніи... песчаная и наполненная соляными частицами земля, а къ тому и жаркій климатъ суть весьма противны всякому земледѣлію... Волга... столь въ рыбѣ обильна, что почти превосходить всякое вѣроятіе“ (495, 496).

³⁾ Ср. 874 и 489, 490.

⁴⁾ Ср. 874 и 517, 518. Сравнивая, кромѣ того, вообще число жителей въ губерніяхъ офирскихъ и соответствующихъ имъ русскихъ, мы видимъ, что губерніи Варіажъ и Воронежская имѣютъ по 800.000 жителей; Офироманская и Малороссійская—по 1.000.000, Женигибы и Нижегородская—по 400.000, Олботская съ Куivreцкой и Тобольская съ Иркутской—по 300.000, Бросыва—170.000, Выборгская—190.000; губерніи Сигіогая—150.000, Астраханская и Оренбургская—160.000, Квамо—3.000.000, Московская—2.162.000; остальные губерніи перекрени Щербатовымъ по своему.

упоминается въ повѣствованіи; съ другой стороны—многія мѣры предлагаемыя княземъ Щербатовымъ въ другихъ его сочиненіяхъ какъ полезныя и желательныя для Россіи, оказываются уже осуществленными въ землѣ Офирской. Изображеніе ея, такимъ образомъ, является изображеніемъ государства въ глазахъ автора идеальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ—вѣщающаго весьма много общаго съ Россіей; все существенное, важнѣйшее изъ русскаго государственнаго устройства въ немъ сохранено, но введены нѣкоторыя измѣненія, благодаря которымъ государство достигло наивысшаго благополучія. Поэтому „Путешествіе въ землю Офирскую“ есть произведеніе не чисто беллетристическое; въ немъ авторъ не имѣлъ въ виду дать просто чтеніе нравоучительное, трогательное, или даже только занимательное. Его произведеніе есть въ полномъ смыслѣ слова то, что называется социальнымъ романомъ: въ немъ затронуты важнѣйшіе вопросы государственнаго устройства и общественной жизни и даются полезныя, по мнѣнію автора, указанія по этимъ вопросамъ. Произведеніе это является, такимъ образомъ, не опытомъ историка и публициста, болѣе или менѣе удачнымъ, въ мало свойственномъ ему родѣ литературы; оно должно занимать видное мѣсто въ ряду политическихъ сочиненій кн. Щербатова; оно имѣетъ даже нѣкоторый особый интересъ для изученія взглядовъ автора на многіе важныя вопросы внутренней жизни Россіи въ XVIII вѣкѣ, такъ какъ въ формѣ социальнаго романа авторъ, не стѣсняемый дѣйствительностью, съ полною смѣлостью и опредѣленностью рисуетъ свои идеалы. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы и разберемъ содержаніе „Путешествія“; но прежде намъ кажется небезполезнымъ остановиться на вопросѣ объ отношеніи этого единственнаго пока извѣстнаго русскаго социальнаго романа XVIII вѣка къ нѣкоторымъ западно-европейскимъ произведеніямъ того же рода.

II.

Въ классической и въ западно-европейской литературѣ насчитывается, за время до начала XIX вѣка, свыше 25 такъ называемыхъ социальныхъ романовъ. Начало ихъ нѣкоторые ведутъ уже отъ діалоговъ Платона „Государство“ и „Законы“ и отъ „Кипопедіи“ Ксенофонта; въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ произведеній подобнаго рода не являлось; въ 1515 г. написана была „Утопія“ Томаса Мора, а съ 20-хъ годовъ XVII столѣтія идетъ уже почти непрерывный рядъ социальныхъ романовъ. Повидимому, извѣстное вліяніе на этого рода произведенія оказали многочисленныя открытія новыхъ странъ, сдѣланныя на рубежѣ XV и XVI вѣковъ и продолжавшіяся еще и въ XVII столѣтіи: по крайней мѣрѣ большинство такихъ романовъ написано въ формѣ повѣствованія о путешествіи, во время котораго герои разсказа якобы и находили тѣ земли, порядки которыхъ въ своихъ произведеніяхъ они и изображали.

Робертъ фонъ Мольтъ и Клейнвехтеръ дали списокъ произведеній этого рода, изложеніе ихъ содержанія и, до извѣстной степени, его систематизацію и оцѣнку¹⁾. Замѣчанія Моля по существу исчерпаны

¹⁾ Мольтъ въ первомъ томѣ своего труда „Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften“, Erlangen, 1855, посвятилъ социальнымъ романамъ отдѣльную (III) главу, 167—214, которая является переработкою и распространеніемъ его статьи „Die Staatsromane. Ein Beitrag zur Literaturgeschichte der Staatswissenschaften“, напечатанной въ II т. *Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft*, Tübingen, 1845, 24—74; Клейнвехтеру принадлежитъ особое изсѣдованіе: *Die Staatsromane. Ein Beitrag zur Lehre vom Communismus und Socialismus*. Wien. 1891, S. 152. Мольтъ перечисляетъ кромѣ упомянутыхъ сочиненій Платона и Ксенофонта слѣдующіе социальные романы: *Thomas Morus, De optimo reipublicae statu deque nova insula Utopia libri duo, 1515; Campanella, Civitas*

вають вопросъ о значеніи этихъ социальныхъ романовъ; къ его словамъ приходится лишь иногда дѣлать небольшія поправки и дополненія, останавливаясь болѣе обстоятельно на какомъ-либо частномъ вопросѣ, связанномъ съ тѣмъ или другимъ произведеніемъ этого рода.

Существеннымъ признакомъ социальнаго романа необходимо признать изображеніе въ конкретныхъ образахъ вымышленныхъ идеальныхъ формъ общественной жизни, касается ли авторъ организаціи

Solis, vel de reipublicae idea dialogus poëticus, 1620; *Andreae*, Reipublicae Christianopolitanae descriptio, 1619; *Baco*, Nova Atlantis, 1621—1626; *Harrington*, Oceana, 1656; *Gabriel Foigny*, Les aventures de Jacques Sadeur, 1676; *Vairasse*, Histoire des Sevarambes, 1677; *Berington*, Mémoires de Gaudence de Lucques, 1753; *Holberg*, Nic. Klimi iter subterraneum, novam telluris theoriam ac historiam quintae monarchiae exhibens, 1741; *Morelly*, Naufrages des îles flottantes, ou Basiliade de Bilpai, 1753; *Fontenelle*, La république des philosophes, ou histoire des Ajaoiens, 1768; *Relif de la Bretonne*, La découverte australe par un homme volant, ou le Dédale français — конца XVIII вѣка; L'heureuse nation ou relations du gouvernement des Féliciens, 1792; *Cabet*, Voyage en Icarie, 1842. Перечисленными выше произведенія относятся къ первой группѣ романовъ, по дѣленію Моля—о чемъ скажемъ ниже; слѣдующія — отнесены Молею ко второй группѣ: *Anton Le Grand*, Scydromedia, seu sermo quem Alphonsus de la Vita habuit coram comite de Falmouth de monarchia, 1680; „Der wohlwheingerichtete Staat des... Königreiches Ophir“, 1699; *Fénélon*, Les aventures de Télémaque, 1700; *Ramsay*, Les Voyages de Cyrus, histoire morale, 1727; *Terrasson*, Sethos, histoire ou vie tirée de monumens, anecdotes de l'ancienne Egypte, 1732; (*Stanislas Leszczynsky*), Entretien d' un Européen avec un insulaire du royaume de Dimocala, 1756; *Mercier*, L'an 2440, 1771; *Haller*, Usong, 1771; его же. *Alfred*, 1774, его же, *Fabius und Cato*, 1774. — Клейнвехтеръ перечисляетъ тѣ же романы, дополнивъ изложеніе точными ссѣдніями о книгѣ *Doni*, I mondi celesti, terrestri e infernali degli academici Pellegrini, 1552, съ которою Молю не удалось познакомиться, затѣмъ о книгѣ *Morelly*, Code de la nature, о которой Моль упоминаетъ, не считая ея, однако, социальнымъ романомъ, и о романахъ *Bellamy*, Looking backward, 1888 г. и *Hertzka*, Freiland, Ein sociales Zukunfbild, 1890—явившихся послѣ книги Моля. Моль упоминаетъ, что о социальныхъ романахъ говорилъ рауте его *Reybaud*, Etudes sur les réformateurs, *Sudre*, Histoire du communisme, *Romagnosi*, Scritti inediti, IV томъ, *Thonissen*, Socialisme depuis l'antiquité, *Dunlop*, History of fiction и др., но находить ихъ замѣчанія не имѣющими особой цѣны и часто совершенно несправедливыми; нѣкоторое значеніе признаетъ онъ за высказаннымъ у *G. C. Lewis*, Treatise on the methods of observation and reasoning in politics. Въ русской литературѣ въ „Исторіи социальныхъ системъ“ г. Щеглова перечислены поименованные Молею социальные романы и названы еще нѣсколько сочиненій, имѣющихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ социальнымъ романамъ; г. Щегловъ свѣдѣлъ списокъ и нѣкоторыми замѣчаніями; они, однако, совершенно незначительны и сдѣланы съ чужихъ словъ — чего, впрочемъ, не скрываетъ и самъ авторъ.

государства, или сферы общественных отношеній; такого рода изображеніе непременно предполагаетъ извѣстную критику существующаго съ одной стороны и извѣстную программу—съ другой; но въ социальномъ романѣ должно непременно преобладать именно *изображеніе* тѣхъ новыхъ формъ общественной жизни, которыя авторъ признаетъ наилучшими, или хотя бы только лучшими; если авторъ ограничивается только критикою—онъ даетъ сатиру на тѣ или другія стороны жизни—блестящимъ примѣромъ такой сатиры можетъ служить „Путешествіе Гулливера“; если авторъ даетъ преобладаніе нравственнымъ наставленіямъ—получается не социальный романъ, а нравоучительное произведеніе, какими была такъ богата литература XVIII вѣка; наконецъ, если авторъ рисуетъ идеальное государственное и общественное устройство, но не придаетъ своему изображенію конкретности, не олицетворяетъ, такъ сказать, своихъ идеаловъ въ дѣятельности какого-либо человѣка или въ изображеніи какого-либо государства—безразлично даже, вымышлены они или существовали въ дѣйствительности,—а только излагаетъ свои идеи о государствѣ или обществѣ, мы получаемъ опять-таки не социальный романъ, а трактатъ о тѣхъ условіяхъ, при какихъ достигаются наилучшіе, по мнѣнію автора, результаты въ государственной и общественной жизни. Поэтому, нельзя, намъ кажется, не согласиться съ Молемъ, который не считаетъ „Государство“ и „Законы“ за социальные романы въ строгомъ смыслѣ слова, потому что ни въ томъ, ни въ другомъ сочиненіи Платонъ не рисуетъ страпу, якобы существующую, а лишь разсуждаетъ объ идеальной организаціи государства и общества; впрочемъ, это ни мало, вѣдь, не мѣшаетъ признавать, что многія идеи и даже нѣкоторыя частности этихъ произведеній Платона оказали сильнѣйшее вліяніе на самые замѣчательные изъ написанныхъ впоследствии социальныхъ романовъ ¹⁾. Да и вообще иногда не легко отграничить то или другое произведеніе къ социальнымъ романамъ или отъ нихъ; такъ, напримѣръ, „Похожденія Телемака“ по главному своему содержанію собственно не социальный романъ, а нравоучительное сочиненіе, имѣющее въ виду преимущественно воспитаніе принцевъ—въ XVIII вѣкѣ такая литература была очень обширна; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ поэмѣ Фенелсена есть по крайней мѣрѣ два эпизода—именно повѣствованіе о странѣ Бетикѣ (въ VIII книгѣ) и разсказъ объ устройствѣ Салента Менторомъ (въ XVII книгѣ), ко-

¹⁾ *Мол, В. von, Geschichte und Literatur, I, 176.*

торые надо признать вполне отвечающими понятію социальнаго романа.

Сколько-нибудь серьезнаго влияния на исторію общества социальныя романы не оказали. Лишь очень немногіе изъ софтовъ и предписавій, на которые такъ щедры ихъ авторы, получили примѣненіе на практикѣ и во всякомъ случаѣ, ихъ осуществленіе не повлекло за собою такихъ блестящихъ результатовъ, въ какихъ авторы романовъ были совершенно увѣрены. Однако, этотъ родъ литературы имѣлъ нѣкоторое значеніе даже и для науки, а тѣмъ болѣе—для читателей. Моль замѣчаетъ, что систематизація государственнаго права извлекла извѣстную пользу изъ той критики, которую производили авторы социальныхъ романовъ, глядя на общественныя отношенія и на государственное устройство съ точки зрѣнія совершенно иной, чѣмъ точка зрѣнія изслѣдователя; важнѣе значеніе этихъ романовъ для читателей: сочиненія эти, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣли главнымъ своимъ предметомъ улучшение участи тѣхъ, чье положеніе представлялось неудовлетворительнымъ, тяжелымъ,—и такимъ образомъ внушали стремленіе работать на пользу низшихъ, обдѣленныхъ судьбою; рисуя формы быта иногда совершенно отличныя отъ существующихъ, они будили мысль и способствовали пониманію того, что существующіе порядки не суть что-либо неизмѣнное, и что возможны въ нихъ улучшения¹⁾. Вполнѣ неоспоримо значеніе социальныхъ романовъ такъ сказать историческое: иногда государственныя и общественныя идеалы ихъ авторовъ и всей эпохи, идеалы, которые въ болѣе серьезныхъ по формѣ произведеніяхъ и не нашли себѣ выраженія въ силу очень различныхъ условій—высказались въ формѣ социальныхъ романовъ съ ясностью и полнотой.

Моль дѣлитъ всѣ извѣстные социальные романы на двѣ группы. Къ первой относитъ онъ тѣ, въ которыхъ идеальное государственное и общественное устройство изображается какъ обусловленное коренными измѣненіями во всѣхъ важнѣйшихъ существующихъ отношеніяхъ—а именно, существенными измѣненіями въ правѣ собственности, обыкновенно въ коммунистическомъ духѣ, въ организаціи брака и всѣхъ семейныхъ отношеній и т. д.; въ нѣкоторыхъ романахъ этого рода предполагаются даже рѣзкія, иногда прямо комическія, измѣненія въ самой физической природѣ человѣка²⁾. Ко второй группѣ Моль

¹⁾ Ср. Моль, *Geschichte und Literatur*, I, 211—214.

²⁾ Наприм. у Фуаньи, Ретифъ де ла Брегония, отчасти у Гольберга.

относить такіе социальныя романы, авторы которых не измышляютъ совершенно новыхъ условій жизни, а условія, существующія въ дѣйствительности, признають по существу вполне достаточными для наилучшей организаціи человѣческихъ обществъ и для достиженія ея считаютъ необходимыми лишь частныя измѣненія, нѣкоторыя улучшения однихъ сторонъ общественной жизни и устраненіе, или измѣненіе къ лучшему, другихъ. Клейнвехтеръ рѣзко возражаетъ противъ дѣленія Моля¹⁾ и предлагаетъ другое: онъ раздѣляетъ социальныя романы на „политическіе“ и „политико-экономическіе“ („volkswirtschaftliche“), а эти послѣдніе подраздѣляетъ еще на чисто-коммунистическіе, полуккоммунистическіе и социалистическіе.

Ни то, ни другое дѣленіе не кажется намъ вполне достаточнымъ; да понятно, что такое дѣленіе установить очень нелегко, едва ли даже невозможно. Если не легко точно выдѣлить самыя произведенія, которыя должно отнести къ рассматриваемому роду литературы, что несомѣнно, то, конечно, еще труднѣе установить въ немъ совершенно удовлетворительно отдѣльныя группы; нелегко найти принципъ дѣленія, подходящий для всѣхъ 25—30 произведеній, хотя и написанныхъ приблизительно на одну и ту же тему, а отчасти и подъ однимъ и тѣми же влияніями, но на пространствѣ болѣе 200 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ, дѣленіе Моля. — не смотря на крайнюю рѣзкость, съ какою возражаетъ противъ него Клейнвехтеръ и для какой трудно понять основаніе — кажется намъ предпочтительнѣе: Клейнвехтеръ для своего дѣленія за основаніе беретъ признакъ вовсе не исчерпывающій содержанія всѣхъ социальныхъ романовъ и даже не равномерно важный для отдѣльныхъ романовъ и потому его дѣленіе допускаетъ и другія дѣленія, въ основаніе которыхъ съ такимъ же правомъ могутъ быть положены другіе, не менѣе существенныя признаки — напримѣръ, отношеніе авторовъ къ религіи, морали и т. д.; дѣленіе же Моля кладетъ въ основу признакъ, непременно присутствующій въ каждомъ социальномъ романѣ и признакъ, во всякомъ случаѣ, очень существенный, если только не самый существенный; ибо, дѣйствительно, очень важно: признается ли возможнымъ

¹⁾ „... Glaube ich, dass die Mohl'sche Eintheilung der Staatsromane keinen denkenden Menschen auf die Dauer befriedigen kann... Wer nur einigermaßen zu denken gewöhnt ist, wird zugeben müssen, dass mit dieser Eintheilung gar nichts gewonnen ist... Mit demselben Rechte hätte Mohl die Staatsromane oder eventuell die gesammte Literatur überhaupt nach dem Format, ob Quart oder Octav etc, eintheilen können“...—*Kleinwächter*, Die Staatsromane, 5, 6, 7.

идеальное устройство человѣческихъ обществъ при существующихъ условіяхъ, или почитается для этого необходимымъ ничто совершенно новое, до тѣхъ поръ на землѣ не наблюдавшееся.

Трактаты Платона послужили образцами для многихъ послѣдующихъ соціальныхъ романовъ. Заимствованія, подражанія, столь обычныя въ литературѣ XVII—XVIII вѣковъ, въ данномъ случаѣ представляются, пожалуй, даже особенно естественными и понятными. Разъ авторъ ставитъ себѣ цѣлью указать наилучшія формы общественной жизни — онъ имѣетъ, конечно, право заимствовать хорошее повсюду, гдѣ только его находитъ. Давно уже отмѣчены заимствованія Кампанеллы у Платона и Томаса Мора, Андреа — у Кампанеллы, причѣмъ эти послѣднія заимствованія приближаются прямо къ передѣлкѣ сочиненія Кампанеллы; Моль указалъ, что „Путешествія Кира“ Рамзая и „Сетосъ“ Террассона стоятъ въ зависимости отъ „Похожденій Телемака“ Фенелюна — намъ кажется, впрочемъ, что фабула и нѣкоторыя частности „Сетоса“ ближе къ „Histoire des Sevarambes“ Верасса. Соціальныя романы были въ свое время очень любимымъ чтеніемъ въ западной Европѣ, какъ доказываетъ любопытная замѣтка о Верассѣ въ „Словарѣ“ Проспера Маршана ¹⁾; пользовались они довольно значительнымъ вниманіемъ и у насъ; вспомнимъ, что одно изъ первыхъ крупныхъ стихотворныхъ произведеній на русскомъ языкѣ — переводъ Фенелюнова „Телемака“ и что послѣ того „Телемакъ“ переведенъ былъ еще нѣсколько разъ; въ теченіе XVIII столѣтія были изданы въ русскомъ переводѣ по крайней мѣрѣ еще четыре слѣдующіе соціальныя романа: „Утопія“ Томаса Мора ²⁾, „Путешествія Кира“ ³⁾ Рамзая, „Сетосъ“ Террас-

¹⁾ Dictionnaire historique, ou mémoires critiques et littéraires, concernant la vie et les ouvrages de diverses personages distingués, particulièrement dans la république des lettres, par *Jean-Baptiste Marchand*, A La Haye, 1768, № „Denis Vairasse d'Allais“, 10—20; см. еще 242. Замѣтки о Верассѣ въ „Biographie universelle“, I, 490 и въ „Nouvelle biographie générale“ publiée sous la rédaction de Hoefer, II, 139 — только неполныя и блѣдныя сокращенія чрезвычайно интересной статьи Проспера Маршана.

²⁾ *Morise* (sic), Томасъ. Картина всевозможно лучшаго правленія или Утопія. Въ 2-хъ частяхъ, переводъ съ французскаго. С.-Иб. 1789. — *Morise* (sic), Томасъ. Философа Рафаэля Гитлоде странствованіе въ Новомъ Свѣтѣ и описаніе любопытства достойныхъ примѣчаній и благоразумныхъ установленій жизни миролюбиваго острова Утопіи. Переводъ съ англійскаго, С.-Иб. 1790.

³⁾ *Рамсей*. Новое Кировастанленіе, или путешествія Кира, съ вложенными разговорами о богословіи и баснословствѣхъ древнихъ, съ французскаго пере-

сона ¹⁾, и „Путешествія Николая Климма“ Гольберга ²⁾; но вполне возможно, что существовали переводы и какихъ либо другихъ произведеній этого рода, которыхъ намъ не удалось открыть; итъ ничего невѣроятнаго въ допущеніи, что они были изданы подъ заглавіями, измѣненными сравнительно съ названіемъ подлинниковъ до полной невозможности угадать по заглавію, что имѣешь переводъ болѣе или менѣе извѣстнаго оригинала ³⁾.— Совершенно естественно, что и князь М. М. Щербатовъ въ своемъ „Путешествіе въ землю Офирскую“ не былъ вполне оригиналенъ.

Несомнѣнно, князь Щербатовъ зналъ по крайней мѣрѣ „Государство“ Платона, „Königreich Ophir“ неизвѣстнаго автора. „Histoire des Scaramandes“ Верасса, „Entretien d'un européen avec un insulaire du royaume de Dumocala“ Станислава Лещинскаго, и „Les aventures de Télémaque“ Фенелона; болѣе чѣмъ вѣроятно, что были ему извѣстны и тѣ произведенія этого рода литературы, которыхъ переводы мы упомянули; но кромѣ Фенелова „Телемака“ остальные

велъ Авраамъ Волковъ, 2 ч. М. 1765; въ 1785 и 1820 г. изданіе это повторено въ Москвѣ же, съ исправленіями по англійскому подлиннику и подъ новымъ заглавіемъ „Новая Киропедія или“ и т. д.

¹⁾ Геройская добродѣтель или жизнь Сива, цари Египетскаго, изъ таинственныхъ свидѣтельства древняго Египта взятая. Перевелъ Денисъ Фонъ Вининъ, М. 1762—1768, 4 части; второе изданіе—тамъ же, 1787—1788, 4 части.

²⁾ Подземное путешествіе представляющее исторію разнородныхъ съ удивительными и неслыханными свойствами животныхъ, такожъ образцовъ житія и домостроительства оныхъ, которое съ чудными и разнопревратными похождениями черезъ двѣнадцать лѣтъ отправа, наконецъ въ Копенгагенѣ на латинскомъ языкѣ издалъ Николай Климмъ, бергенскій студентъ, подземный герой и послѣ бывшій бергенской же Крестовой кирки пономарь, переведено Стефаномъ Савицкимъ. С.-Пб. 1762.

³⁾ Князь Алексѣй Куракинъ въ 1775 г. приобрѣлъ въ Лейденѣ въ числѣ другихъ книгъ социальный романъ Мерсье „L'an 2440“,—*Архивъ кн. О. А. Куракина*, книга VIII 134. — На существованіе социальныхъ романовъ въ русской литературѣ XVII вѣка итъ, кажется, указаній. А. Н. Пининъ въ статьѣ: „Для любителей книжной старины“, 17, указываетъ въ числѣ рукописей Уидольскаго, „Исторію о французскомъ кавалерѣ Делюксѣ и о прекрасной Юаріанцѣ“ — и подлинникомъ этой исторіи называетъ (Бернинтона) „Mémoires de Gaudence de Luques, prisonnier de l'inquisition“, Paris, 1753; но по справкѣ, наведенной нами въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ, оказалось, что это есть только чисто любовная исторія, дѣйствіе которой происходитъ во Франціи, частью въ Парижѣ, тогда какъ дѣйствіе въ романѣ Бернинтона происходитъ въ центральной Африкѣ.

четыре не оказали на его произведение сколько-нибудь замѣтнаго вліянія.

Въ сочиненіи своемъ „Статистика въ разсужденіи Россіи“, въ главѣ „О правленіи“, кн. Щербатовъ говоритъ между прочимъ: „такъ и въ законодательствѣ; не Платонову Севарамбскую республику должно сочинять, а дѣлать вещи, свойственныя со страной“¹⁾—ясное указаніе, что кн. Щербатовъ зналъ по крайней мѣрѣ о „Государствѣ“ Платона. Если не самое это сочиненіе. По тексту выходитъ, что Щербатовъ какъ бы приписываетъ Платоновской республикѣ не принадлежащее ей имя; но такъ какъ несомнѣнно, что „Histoire des Sevarambes“ онъ звалъ отлично, то надо предположить, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло или со случайною опіскою въ рукописи Щербатова, или съ ошибкою Заблоцкаго-Десятовскаго, списавшаго, какъ извѣстно, «Статистику» съ чрезвычайно ветхаго оригинала²⁾, а что Щербатовъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать „Платонову или Севарамбскую республику“³⁾. Что Щербатовъ читалъ Платона—объ этомъ онъ самъ свидѣтельствуетъ. Въ „Разговорѣ о безсмертіи души“, написанномъ въ 1788 г., кн. Щербатовъ говоритъ: „нынѣ же, читая труды Платона, греческаго философа, особливо восхищенъ былъ я его бесѣдою, именуемою Федонъ“⁴⁾; въ подражаніе Федону онъ написалъ свой «Разговоръ». Но заимствованій изъ „Государства“ или изъ „Законовъ“ въ „Путешествіи“ мы не замѣтили; думаемъ, что внести что-либо изъ Платона непосредственно Щербатовъ не могъ—слишкомъ отличаются по духу его произведенія отъ Платоновскихъ; можно, пожалуй, находить нѣкоторое, очень отдаленное сходство въ разсужденіяхъ Щербатова о доблестяхъ, необходимыхъ для солдатъ, и о внѣшней торговлѣ, съ тѣмъ, что сказано объ этомъ у Платона; но гораздо вѣроятнѣе, что Щер-

1) Сочиненія кн. М. М. Щербатова, I, 613.

2) Тамъ же I, 457.

3) Возможно, впрочемъ, что князь Щербатовъ употребилъ здѣсь слово „платоновскую республику“ въ смыслѣ такъ сказать нарицательномъ, желая этимъ обозначить вообще вымышленное государственное устройство.

4) Тамъ же, II, 310. Неизвѣстно, конечно, въ какомъ переводѣ читалъ князь Щербатовъ Платона; возможно, что въ какомъ-нибудь французскомъ; но въ 1785—1786 гг. въ Петербургѣ вышелъ и русскій переводъ: „Творенія велемудраго Платона, переведено съ еллиногреческаго священникомъ Нв. Сидоровскимъ и Матвѣемъ Шаховымъ. 3 части, въ 4-хъ книгахъ“, въ числѣ переведенныхъ платоновскихъ сочиненій вѣдутъ тутъ и „Федонъ“, „О гражданствѣ или о республикѣ“ и „О законоположеніи“.

батовъ заимствовалъ ихъ не прямо отъ Платона, а у когонибудь изъ авторовъ соціальныхъ романовъ, писавшихъ подъ вліяніемъ Платона.

„Les aventures de Télémaque“ Фенелона пользовались слишкомъ широкою извѣстностью въ XVIII вѣкѣ, чтобы возможно было усумниться, зналъ ли князь Щербатовъ это сочиненіе. Поэма Фенелона переведена была чуть ли не на всѣ европейскіе языки и въ свое время почти навѣрное побывала въ рукахъ всякаго юноши, имѣвшаго болѣе или менѣе живой интересъ къ литературѣ, не одного изъ нихъ приохотила къ чтенію, а иногда натолкнула и на серьезныя размышленія; у насъ, послѣ стихотворнаго перевода Тредьяковскаго, она была издана въ теченіе XVIII и въ началѣ XIX вѣка еще до восьми разъ; и по литературному таланту автора, и по характеру его наставленій и совѣтовъ „Похожденія“ были для своего времени книгою безспорно очень хорошею и полезною. Мораль Фенелона не глубока и не идетъ въ разрѣзъ съ понятіями и нравами эпохи; она приспособляется къ нимъ и, совершенно согласно съ духомъ времени, рисуетъ и нравственныя и политическія улучшенія человѣческихъ обществъ какъ вѣчто совершенно легкое, какъ вѣчто такое, для чего совершенно достаточно доброй воли одного человѣка; вліяніе этой книги не было особенно серьезно, но оно было очень широко и, во всякомъ случаѣ, до извѣстной степени полезно. Щербатовъ, вѣроятно, зналъ ее еще съ молодыхъ лѣтъ; успѣхъ этой книги, столь широкій и прочный, до извѣстной степени могъ вліять на рѣшимость Щербатова изложить свои взгляды и мысли въ сочиненіи подобнаго рода; но есть довольно убѣдательныя доказательства и того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ близко слѣдовалъ Фенелову въ своемъ „Путешествіи“, значить — перечиталъ или пересмотрѣлъ его и предъ самою работою и кое что и заимствовалъ прямо у Фенелона. Въ VIII книгѣ „Похожденій“ Адоамъ рассказываетъ о странѣ Бетикѣ, которую онъ посѣщалъ. Это повѣствованіе составляетъ совершенно незначительный эпизодъ во всемъ произведеніи; но тѣмъ не менѣе заслуживаютъ вниманія слѣдующія совпаденія въ описаніи Бетики съ изображеніемъ царства Офирскаго у Щербатова: жители той и другой страны не ведутъ заграничной торговли; художества и тутъ и тамъ недостигли высокаго развитія, потому что въ обоихъ государствахъ цѣнятся только то, что прямо полезно; тутъ и тамъ вино признается ядомъ, тутъ и тамъ жители удивляются, зачѣмъ государи посылаютъ свои корабли въ чужія отдален-

ныя страны, если они и у себя богаты ¹⁾). Кое что заимствовалъ Щербатовъ, повидимому, и изъ описанія устройства, введеннаго Менторомъ въ Салентъ: Менторъ установилъ тамъ для каждаго класса жителей опредѣленный размѣръ домовъ, опредѣленный образъ жизни, опредѣленную одежду, съ различіями по классамъ въ цвѣтѣ и вышивкахъ. далъ совѣтъ правителю— не увеличивать, а уменьшать повинности того, кто улучшаетъ свой участокъ земля — все это находимъ и у Щербатова ²⁾); впрочемъ—опредѣленіе одежды для каждаго сословія или чина встрѣчается чуть ли не во всѣхъ соціальныхъ романахъ.

Всего боѣе, пожалуй, сблизжаетъ Щербатова съ Фенелономъ общая имъ тенденція порицать роскошь и провозглашать пользу и удобства простой жизни; но это идея такого рода, заимствованіе которой едва ли надо устанавливать точно. Свойственно людямъ искать счастья въ условіяхъ, діаметрально противоположныхъ тѣмъ, въ какихъ они живутъ и въ какихъ, поэтому, не находятъ полного счастья. Такъ французское общество временъ Людовиковъ XIV и XV стало мечтать о счастьи вдали отъ города, на лонѣ сельской природы; такъ и Фенелонъ и Щербатовъ, возвращшіеся въ роскошно жившемъ обществѣ, непремѣннымъ условіемъ счастливой жизни выставляютъ простоту и скромную обстановку—въ то время какъ авторъ „Königreich Orbir“, Верассъ и другіе сочинители соціальныхъ романовъ, люди не такого положенія какъ Фенелонъ и князь Щербатовъ, рисуютъ картины не только богатства, а великолѣпія и поражающей роскоши той обстановки, которая будто бы создается при указанныхъ ими условіяхъ и порядкахъ жизни. Любопытно наблюдать при этомъ, какъ постепенно блѣднѣли и меркли, однако, надежды съ легкостью достигнуть довольства и богатства: у Кампанеллы жители его Civitas Solis работаютъ всего 4 часа въ сутки и всѣ живутъ богато, у Томаса Мора—6 часовъ, у Верасса уже 8, у Ретифъ де ля Бретонния уже 12—хотя онъ и говорить, что работа легкая...

Знакомство Щербатова съ сочиненіемъ неизвѣстнаго автора „Königreich Orbir“ ³⁾ доказывается не только названіемъ, которое далъ

¹⁾ Ср. конецъ VIII книги „Les aventures“ и „Сочиненія князя М. М. Щербатова“, I, 751, 765, 778, 901.

²⁾ Ср. „Les aventures“, кн. XII и „Сочиненія князя М. М. Щербатова“, I, 883, и passim.

³⁾ Мы имѣли въ рукахъ два экземпляра этого сочиненія, оба 12°, Leipzig, 1699, 608 стр., оба съ одиными и тѣми же опечатками, но съ разными титулами. Экземпляръ Императорской Публичной Библиотеки носитъ такое названіе: «Orbi-

Щербатовъ своему идеальному государству. «Царство Офирское, которое многие искали и не могли найти» упоминается еще въ Библии ¹⁾ и Щербатовъ зналъ объ этомъ ²⁾. Но несомненно, что онъ не взялъ случайно изъ Библии тоже имя, какое далъ своему воображаемому государству нѣмецкій авторъ: и нѣкоторыя отдѣльныя частности, и весь духъ, проникающій оба произведенія, съ полною очевидностью указываютъ, что Щербатовъ зналъ нѣмецкій социальный романъ и заимствовалъ изъ него не только имя страны. Въ „Königreich Ophir“ на первомъ мѣстѣ поставлено описаніе религиозныхъ учреждений страны—у Щербатова г. С. точно также въ самомъ началѣ пребывания въ Офирской землѣ знакомится съ религіей и религиозными учреждениями ея; въ „Königreich Ophir“ во главѣ управленія стоитъ верховная консисторія—у Щербатова упоминается верховный трибуналъ благочестія, имѣющій довольно важное значеніе (I, 809, 837); совер-

rischer Staat, Oder Curieuse Beschreibung Des bishero von vielen gesuchten, aber nicht gefundenen Königreichs Ophir, in welcher Die völlige Kirchen-Verfassung, Einrichtung der hohen und niedern Schulen... (и т. д.)... nebst allen zu wissen nöthigen Nachrichten und Merckwürdigkeiten vorgestellt werden; экземпляръ библиотеки Императорской Академіи Наукъ имѣетъ титулъ: Der wohleingerichtete Staat Des bishero von vielen gesuchten, aber nicht gefundenen Königreichs Ophir, welcher Die völlige Kirchenverfassung—и далѣе все какъ въ первомъ экземплярѣ, кромѣ послѣдней фразы, которая читается: Nebst allen zu wissen nöthigen Nachrichten und Merckwürdigkeiten, vorgestellt. Экземпляръ Публичной библиотеки имѣетъ въ концѣ «Register Derer vornehmsten Sachen...» и т. д. и обширный списокъ опечатокъ. Повидимому, оба изданія сдѣланы съ одного набора; вѣроятно, обнаруженіе большаго количества опечатокъ побудило автора или издателя прибавить къ нѣкоторымъ экземплярамъ списокъ ихъ; при этомъ переименъ былъ титульный листъ и приложена гравюра въ началѣ, изображающая челоѣка, сидящаго на тронѣ, имѣя въ рукахъ разныя атрибуты власти, и окруженнаго четырьмя стоящими фигурами. Молъ ссылается на экземпляръ съ заглавіемъ экземпляра Академіи Наукъ, Клейнвехтеръ—на экземпляръ съ заглавіемъ экземпляра Публичной Библиотеки.

¹⁾ См. Encyclopédie des sciences religieuses, publiée sous la direction de F. Lichtenberger, Paris, 1881, t. X, 13—14.

²⁾ Сочиненія кн. М. М. Щербатова, I, 883—884: «мы имѣемъ извѣстіе, по нашимъ священнымъ книгамъ, что отъ единого царя земли Иудейскія, именемъ Соломона... ходили корабли въ землю Офирскую и привозили золото, слоновую кость и разныхъ рѣдкихъ птицъ... и т. д., говоритъ г. С. одному офирцу. «Земля наша есть та самая, о которой ваши священныя книги поминаютьъ...» и т. д., отвѣчаетъ тотъ. Упомянутое о сношеніяхъ Соломона съ царствомъ офирскимъ есть и въ «Königreich Ophir», 6—но здѣсь оно гораздо короче, чѣмъ у Щербатова, у котораго текстъ ближе передаетъ текстъ библейскій.

шенно согласно съ текстомъ нѣмецкаго романа разсужденіе Щербатова о томъ, что для государства полезнѣе, если государи женятся не на иностранныхъ принцессахъ, а на дѣвушкахъ изъ своего же народа (ср. II, 1008—1013 и „Königreich Ophir“, 135—140 и 127); довольно близки, конечно, по духу два слѣдующія постановленія: чтобы торговцы, продающіе съѣстные припасы дурнаго качества и вредные для здоровья, сами эти именно припасы и получали, въ видѣ наказанія, для своего пропитанія—«ибо кто хотѣлъ вредить другимъ, да повредится самъ первый тѣми самыми вещами»—и постановленіе, чтобы солдаты, опустошающіе поля въ своей собственной землѣ, подвергались голодной смерти—первое встрѣчаемъ у Щербатова, второе — у нѣмецкаго автора (I, 813 и „Kön. Oph.“, 446). Если мы теперь прибавимъ, что одинаково духомъ самаго узкаго формализма, мелочной и придирчивой регламентаціи проникнуты всѣ учрежденія въ идеальныхъ государствахъ кн. Щербатова и нѣмецкаго писателя, если обратимъ вниманіе на то, что и у того и другаго жители ихъ вымышленныхъ земель, при идеальномъ ихъ строѣ, тѣмъ не менѣе сохраняютъ всѣ недостатки обыкновенныхъ людей, такъ что среди ихъ существуютъ всевозможныя преступленія и за нихъ назначены строгія, даже жестокія наказанія, то намъ не нужно уже, для подтвержденія факта заимствованія Щербатовымъ изъ нѣмецкаго романа, еще останавливаться на нѣкоторыхъ, хотя и не очень отдаленныхъ, проявленіяхъ сходства въ нравственныхъ наставленіяхъ, какія въ нѣмецкомъ романѣ внушаются принцадъ, а у Щербатова—всему юношеству, или на томъ, что эти нравственныя наставленія рассылаются въ видѣ небольшой книжки по всему государству и заучиваются гражданами чуть не наизусть—и эти моральныя правила, и эта вѣра въ то, что можно сдѣлать людей лучшими и счастливыми какимъ нибудь небольшимъ по объему—и, прибавимъ отъ себя, ничтожнымъ по содержанію—сборникомъ прописныхъ истинъ азбучной морали—все это было общераспространеннымъ въ XVII и особенно въ XVIII вѣкѣ; заимствованія кн. Щербатова изъ нѣмецкаго романа совершенно несомнѣнны на основаніи однихъ вышеприведенныхъ указаній. Впрочемъ, не надо предполагать въ „Путешествіи“ больше сходства съ „Königreich Ophir“, чѣмъ его есть на самомъ дѣлѣ: списокъ важнѣйшихъ государственныхъ учреждений у Щербатова свой, совершенно независимый отъ такового же въ нѣмецкомъ романѣ; цеховаго устройства, строжайшимъ образомъ проведеннаго въ „Königreich Ophir“, Щербатовъ не ввелъ въ свое

государство, дворянскія привилегіи онъ отстаиваетъ гораздо энергичнѣе и т. д.

Нельзя сказать, чтобы кн. Щербатовъ избралъ хорошій образецъ, слѣдуя нѣмецкому роману „Königreich Ophir“ во многомъ и, къ тому же, въ общемъ характерѣ устройства, какое получаетъ у него идеальное государство; достоинства этого романа весьма не высоки. Моль называетъ его педантизмъ невѣроятнымъ, всякое отсутствіе творческой мысли—удивительнымъ; изображаемые въ блестящемъ видѣ порядки являются, по его словамъ, ничѣмъ инымъ, какъ осуществленіемъ требованій лютеранскаго катехизиса и полицейскихъ предписаній самого невысокаго качества. „Эта глупая книга—такъ заканчиваетъ Моль свой отзывъ о ней—имѣетъ однако значеніе, какого, повидимому, не подозрѣвалъ за нею ея авторъ. Она ясно показываетъ, какъ сильно было въ Германіи въ концѣ XVII вѣка стремленіе къ полицейскому вмѣшательству, какъ ничтожно было понятіе о гражданской свободѣ и о личной независимости“¹⁾. Въ подтвержденіе этой характеристики приведемъ выписку изъ этой книги, которая, намъ кажется, особенно хорошо выражаетъ широту, имъ лучше сказать, узость кругозора ея у автора: „Die mittelmässigen Ingenia werden vor den allzu Hoben erwählet, indem diese gemeinlich allzu grübelhaftig seyn oder allzu hoch hinausz wollen, anderer Meynungen verachten, sich empor und in das höchste Bret zu bringen bemühen, oder, wenn es ihnen nicht nach ihren Gedancken gehet, gar Auffwiglereyen anstifften“²⁾.

Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе и приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія, не имѣющія отношенія къ Щербатовскому „Путешествію“, но касающіяся нѣмецкаго его образца. Авторъ романа „Königreich Ophir“ очень тщательнаго и удачно скрылъ свое имя; ни въ одномъ изъ указателей, раскрывающихъ псевдонимы и сообщающихъ имена авторовъ анонимныхъ сочиненій, мы не нашли его, хотя просматривали такіе указатели уже начала XVIII вѣка, слѣдовательно, очень близкіе по времени къ интересующему насъ произведенію; однако въ этихъ поискахъ мы натолкнулись на нѣчто любопытное. Въ Цейдлеровскомъ лексиконѣ оказалась статья „Ophirische Mahlzeiten und Speisarten“. Начинается она такъ: „Solche (wie sie in einem Büchlein Vollkommene Politica oder ophirische Regiments-Art genannt,

¹⁾ R. v. Mohl, Geschichte und Literatur, I, 205—206.

²⁾ „Der wohlgeingerichtete Staat“, 226.

beschrieben werden) bestehen in folgenden: Der König ist der Mäßigkeit ergeben¹⁾ и т. д. Въ Императорской Публичной Библиотекаѣ нашлся экземпляръ упомянутаго тутъ сочиненія²⁾. По сравненію съ нимъ, статья у Цейдлера оказалась перепечаткою, съ исправленіями только явныхъ опечатокъ и съ очень немногочисленными поправками въ слогъ, отрывковъ изъ этой книги³⁾, въ которыхъ говорится объ умѣренности государя Офирской земли въ пищѣ и особенно въ питьѣ, о его строгости по отношенію къ пьяницамъ, о заботахъ его, чтобы во всемъ государствѣ употреблялись для приготовленія пищи только совершенно свѣжіе припасы, чтобы хлѣба было всегда достаточно и т. д.; съ своей стороны авторъ этого извлеченія не прибавилъ ни одного слова. По ближайшемъ разсмотрѣніи эта „Vollkommene Politica“ оказалась ничѣмъ инымъ, какъ уже знакомымъ намъ „Königreich Ophir“, только въ новой обложкѣ: форматъ, печать, число страницъ совершенно тѣ же; мы не свѣряли текста строка въ строку. но дѣленіе на главы, предисловіе, самое начало и самый конецъ книги дословно сходны; приведенный нами немного выше отрывокъ со страницы 226-й романа „Königreich Ophir“ здѣсь тоже находится на страницѣ 226-й и отпечатанъ онъ вполне буква въ букву. Очевидно, авторъ и послѣ двухъ изданій своего произведенія въ Лейп-

¹⁾ Grosses Universal-Lexicon, aller Wissenschaften und Künste, welche bis-
hero durch menschlichen Verstand und Witz erfunden worden. Fünf und zwanzigster Band. Leipzig und Halle. Verlegts Iohann Heinrich Zedler. 1740 f. S. 1624—1626.

²⁾ Vollkommene Politica, worinnen gezeigt wird, wie der Status Ecclesiasticus, Politicus und Oeconomicus Christlich, klüglich und profitabel auf Ophirische Regiments-Art einzurichten sey, nebst einem vollständigen Register. Freyburg. Bey Iohann Georg Müllern, 1704 12°, 608 и „Register Derer vornehmsten Sachen“... За титульнымъ листомъ, на особомъ листѣ напечатано: Drey Stände hat Gott geordnet, Den Beistlichen, Den Weltlichen und Den Häuszlichen. In dem hier bey gesetzten Vers (слѣдующія даже латинскія слова напечатаны не поперегъ страницы, а вдоль, сверху внизъ, посрединѣ) Tu supplex Ora, Tu protege, Tu que labora Werden ihre Pflichten beschrieben. Въ началѣ книги гравюра, представляющая женскую фигуру, изображающую правосудіе или мудрость, восседающую на тронѣ, съ предстоящими ей представителями наукъ, искусствъ, промышленности, торговли и т. д. На титульномъ листѣ, надъ именемъ города виньетка: слонъ, окруженный кричащими гусями, смотритъ на солнце; кругомъ надпись: Non sicut vulgi sibilos mens conscia recti.

³⁾ Столбецъ 1624 представляетъ дословную перепечатку страницъ 117—121, на столбцахъ 1625 и 1626 мы нашли дословныя перепечатки со страницъ 301 и слѣд., 418 и др.

цигѣ въ 1699 г., съ названіями лишь нѣсколько разнящимися одно отъ другаго, все еще старался распространить въ публикѣ свою книгу и снова выпустилъ ее черезъ пять лѣтъ въ Фрейбургѣ, подъ заглавіемъ уже совсѣмъ новымъ. Успіія его, однако, остались тщетными и произведеніе его, какъ „Vollkommene Politica“ не получило повидному, распространенія большаго, чѣмъ какимъ пользовалось оно, какъ „Königreich Ophir“¹⁾—если „Vollkommene Politica“ упомянута у Цейдлера, который не знаетъ книги „Königreich Ophir“, то ни Моль, ни Клейнвехтеръ, зная „Königreich Ophir“, не упоминаютъ объ этой „Политикѣ“ ни единымъ словомъ. Мы можемъ, такимъ образомъ, пополнить списокъ соціальныхъ романовъ еще однимъ произведеніемъ,—къ сожалѣнію замѣчательно оно только тѣмъ, что не вносить въ литературу не только ничего цѣннаго, но не вносить и абсолютно ничего новаго, такъ ихъ является дословнымъ повтореніемъ уже извѣстной раиѣ книги.

Слѣдую во многомъ существенномъ названному нѣмецкому роману, кн. Щербатовъ въ частности подражаетъ болѣе сочиненію Верасса: „Histoire des Sevarambes“²⁾. Это одно изъ самыхъ замѣчательныхъ

¹⁾ Мы почти увѣрены, что имѣемъ дѣло не съ плагиатомъ, а именно со стремленіемъ автора распространить свое произведеніе: тождество текста обѣихъ книгъ доказываетъ, что не изданіе было повторено, а только изготовлена была новая обложка. Кромѣ того, книга, несомнѣнно, не имѣла такого успѣха, чтобы вызвать на плагиатъ.

²⁾ „Histoire des Sevarambes, peuples qui habitent une Partie du troisième Continent, communément appelé la terre Australe. Contenant une Relation du Gouvernement, des Moeurs, de la Religion, et du Langage de cette Nation, inconnue jusques à present aux Peuples de l'Europe. Amsterdam, 1702, 333+303. Книга имѣла множество изданій,—первое вышло въ 1677 г.,—и переведена на многіе языки. Въ замѣчательномъ «Dictionnaire» Преспера Маршана, который до сихъ поръ незамѣнимъ для нѣкоторыхъ справокъ, установлено окончательно авторство Верасса и доказана ошибочность мнѣнія, будто первоначально сочиненіе это вышло на англійскомъ языкѣ. Кромѣ того, Маршанъ сдѣлалъ слѣдующее наблюдение: *Sidon*— имя капитана, якобы посетившаго страну Севарамбовъ, и *Sevarias*— имя благодѣтельнаго государя, въ память котораго и народъ принялъ свое названіе, представляютъ назъ себя анаграммы имени автора *Denis Vairasse*. Способъ измѣненія русскихъ собственныхъ именъ, примѣняемый кн. Щербатовымъ, совершенно такой же; вѣроятно, кн. Щербатовъ зналъ словарь Маршана и воспользовался его указаніемъ. Зависимость Щербатова и въ этомъ отношеніи отъ Верасса исключаетъ надобность предполагать непременно знакомство его и съ сочиненіемъ *Relatif de la Bretagne—La découverte australe par un homme volant*—гдѣ для собственныхъ именъ примѣненъ способъ написанія наоборотъ соответствующихъ французскихъ именъ—напримѣръ *Ullys, Yrneh, Noffub*, вмѣсто *Sully, Henry*

произведеній во всей литературѣ социальныхъ романовъ. Чрезвычайно интересно изложенный, рисующій картины оригинальныя, нерѣдко яркія, и вмѣстѣ съ тѣмъ—охватывающія чуть не всѣ стороны государственнаго и общественнаго строя, романъ этотъ временами положительно кажется описаніемъ дѣйствительно видѣннаго и пережитаго тѣмъ капитаномъ Сиденомъ, записки котораго, якобы, издаетъ Веррассъ, получивъ ихъ отъ врача, которому ихъ передалъ Сиденъ во время своей предсмертной болѣзни. Благодаря литературнымъ достоинствамъ произведенія Веррасса, кн. Щербатовъ и подражаетъ ему во многихъ случаяхъ. Такъ, у Щербатова, какъ и у Веррасса, въ „Путешествіи“ соединенъ способъ описательный и повѣствовательный и введенъ элементъ романтической; у Щербатова совершенно такъ же какъ у Веррасса изображенъ моментъ внезапнаго появленія предъ путниками цѣлой флотиліи—только по разсказу Веррасса это происходитъ не послѣ шаблоннаго для подобныхъ романовъ кораблекрушенія, а во время путешествія во внутрь страны, когда на неизслѣдованнымъ еще рѣкамъ Сиденъ со своими спутниками проникаетъ въ обширное озеро, на которомъ, съ наступленіемъ утра, и является предъ ними совершенно неожиданно цѣлая флотилія; какъ у Веррасса у Щербатова путешественникъ понадеетъ сначала не въ столицу и только уже послѣ нѣкотораго времени переѣзжаетъ туда. У Веррасса севарамбскіе доктора отлично лечатъ нѣкоторыя болѣзни, въ Европѣ почитавшіяся тогда невзлечимыми, и года черезъ два посылаютъ свои корабли къ Старому Свѣту, имъ отлично извѣстному ¹⁾—то же самое видимъ и у Щербатова ²⁾. Почти несомнѣнно подъ ближайшимъ влияніемъ Веррасса

(IV), *Visson* и т. д.; въ тому же у Ретиף де ла Бретонни не встрѣчается именъ городовъ и рѣкъ. «*La découverte australe*» мы не могли достать въ Петербургѣ; профессоръ А. Morel Fatio любезно сдѣлалъ для насъ справку въ Национальной библіотекѣ, за что и свидѣтельствуемъ ему сердечную признательность. — Имя „Квама“ носитъ одно государство, упоминаемое въ „Путешествіи Климъ“, но въ виду многихъ другихъ подобныхъ измѣненій собственныхъ именъ не можетъ быть сомнѣнія, что у Щербатова это слово не взято прямо изъ Гольберга, а составлено изъ имени „Москва“.

¹⁾ *Histoire des Sevarambes*, I, 102, 166 и 168.

²⁾ Впрочемъ уже у Бэкона въ „Новой Атлантидѣ“ говорится, что бенсалемицы не желаютъ ни въ сношеній съ Европой, чтобы не подвергнуть порчѣ нравы своей страны, но что вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ, скрывая свою национальность, время отъ времени посѣщаютъ Европу, чтобы слѣдить за успѣхами въ Европѣ науку и искусство. Ср. *The Works of Francis Bacon*, V, London. 1778, 484 и слѣд. Возможно, что Щербатовъ былъ знакомъ и съ *Nova Atlantis*: въ

описана у Щербатова религія офирцевъ; это, вполне въ духѣ XVIII вѣка, — религія разума и мы не рѣшились бы утверждать здѣсь вліянія именно Верасса, если бы не сближали ужь очень замѣтно этихъ двухъ писателей нѣкоторыя частности въ описаніи храмовъ ¹⁾, нѣкоторыя мѣста въ молитвахъ офирцевъ и севарамбовъ ²⁾. У Верасса въ главномъ храмѣ помѣщены изображенія прежде царствовавшихъ государей, у Щербатова — на погребалищѣ, и въ одномъ романѣ — при посѣщеніи храма, въ другомъ — при посѣщеніи погребалища герой разсказа знакомится съ исторіей страны, въ которую забросила его судьба.

Но, позаимствовавши у Верасса много частности, Щербатовъ не заимствовалъ у него ничего существеннаго въ устройство своего идеальнаго государства. Верассъ въ своемъ романѣ является совершенно чистымъ и послѣдовательнымъ коммунистомъ; во многомъ онъ чрезвычайно близокъ къ „Государству“ Платона. У Щербатова же, конечно, мы не встрѣчаемъ ни отрицанія частной собственности, ни многоженства (для высшихъ чиновъ) съ правомъ мѣняться женами, ни общаго государственнаго воспитанія дѣтей, ни оригинальнаго дѣленія жителей по „осмазіямъ“, что, по переводу Верасса, значитъ община ³⁾, ни, наконецъ, широкаго примѣненія выборнаго начала — всѣ подобныя идеи какъ нельзя болѣе чужды князю Щербатову, симпатіи котораго всецѣло клонятся къ типу полицейскаго государства.

Наконецъ, въ двухъ или даже въ трехъ случаяхъ почти несомнѣнно знакомство князя Щербатова съ сочиненіемъ бывшаго короля польскаго, Станислава Лещинскаго, „Entretien d'un Européen avec un insulaire du royaume de Dumocala“ par Sa Majesté le R. de P⁴⁾.

рисуемой имъ картинѣ самого момента встрѣчи г. С. и офирцевъ есть мелочи, пожалуй, болѣе близкія къ картинѣ Бэкона чѣмъ Верасса — ср. тамъ же, 474 и слѣд. и „Сочиненія кн. М. М. Щербатова“, I, 761 — 762; но во всякомъ случаѣ утверждать, что Щербатовъ непремѣнно читалъ и сочиненіе Бэкона, намъ кажется, нѣтъ достаточныхъ основаній.

¹⁾ Ср. «Сочиненія кн. М. М. Щербатова», I, 799 и «Histoire des Sevarambes», II, 80.

²⁾ Ср. «Сочиненія кн. М. М. Щербатова», I, 799—800, и «Histoire des Sevarambes» II, 105, 109 и 135.

³⁾ „Osmazie — c'est à dire communauté“ — „Histoire des Sevarambes“, I, 258.

⁴⁾ Таково точное заглавіе этой книги, первое изданіе которой вышло въ Парижѣ 1752, второе — тамъ же 1756 г. — см. *Barbier*, Dictionnaire des ouvrages imprimés, II, 122.

Эта небольшая книжка довольно выгодно выдѣляется среди социальных романовъ практичностью и здравымъ смысломъ предлагаемыхъ въ ней измѣненій; особенно заслуживаютъ вниманія мысли автора о выгодахъ системы общей воинской повинности, въ замѣнъ наемныхъ войскъ, о необходимости шире развить народное образованіе и предоставить права на государственную службу всѣмъ сословіямъ, поставивъ для этого необходимымъ условіемъ лишь извѣстное образованіе, наконецъ—объ необходимости устранить продажу должностей. Но Щербатовъ заимствовалъ у Лещинскаго не эти идеи: онъ ограничился тѣмъ, что, согласно ему, заставилъ своего г-на С. выучиться въ Индіи у брамина санскритскому языку и затѣмъ, опять согласно съ Лещинскимъ, заставилъ офирскаго священника рассказать г-ну С., что когда то, въ незапамятныя времена, въ ихъ землю приходили уже люди, которые совершенно такъ же говорили о своей религіи и о божественномъ откровеніи, какъ у Лещинскаго говоритъ его путешественникъ островитянину, а у Щербатова — г. С. офирцу, но что ученіе это не получило у нихъ распространенія,—да оно и ненужно по взгляду Лещинскаго и Щербатова: оба они одинаково выводятъ все богопочтаніе вымышленныхъ ими народовъ изъ наблюденія видимаго міра. Эта идея, конечно, не есть собственность Ст. Лещинскаго; это одна изъ общихъ идей того вѣка и совпаденіе въ данномъ случаѣ изложенія Щербатова съ изложеніемъ Ст. Лещинскаго еще не говорило бы о заимствованіяхъ перваго у втораго,—но два вышеуказанные мелкіе эпизода даютъ полное основаніе думать, что Щербатовъ читалъ книжку Лещинскаго и заимствовалъ ихъ у него, а не пришелъ самостоятельно къ одинаковому съ нимъ разрѣшенію совершенно частныхъ вопросовъ.

Знакомство Щербатова съ указанными выше произведеніями и нѣкоторыя заимствованія изъ нихъ представляются намъ совершенно несомнѣнными; что касается другихъ социальныхъ романовъ, то мы можемъ только предполагать, что нѣкоторые и изъ нихъ не остались Щербатову неизвѣстными. Такъ, когда въ самомъ началѣ „Путешествія“ онъ говоритъ: „да не подумаютъ здѣсь найти великія чудеса въ разсужденіи естественнаго состоянія, чудныхъ звѣрей, птицъ, гадовъ и прочія богатства, кои бы могли привлечь европейское корыстолюбіе“ (I, 750)—то въ этихъ словахъ, быть можетъ, надо видѣть указаніе на то, что Щербатову было по крайней мѣрѣ извѣстно, что въ пныхъ сочиненіяхъ этого рода разсказывались удивительныя вещи о произведеніяхъ царства животнаго и ра-

стительнаго тѣхъ странъ, которыя тамъ описываются — а такія подробности есть, напримѣръ, у Фуаньи, въ его „Приключеніяхъ Якова Садера“, у Гольберга, въ его „Подземномъ путешествіи Николая Клима“, у Ретифъ де ля Бретоння, въ его „Южномъ открытіи летающаго человѣка“ и пр.

Изъ вышесказаннаго видно, что „Путешествіе въ землю Офирскую“ не является произведеніемъ вполне оригинальнымъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ оно не есть и простое подражаніе какому либо одному образцу; князь Щербатовъ пользовался нѣсколькими социальными романами, но ни одному изъ нихъ не слѣдовалъ безусловно и вложилъ въ свое сочиненіе свое собственное содержаніе. Какъ уже сказано, онъ постоянно имѣлъ въ виду Россію; критика нѣкоторыхъ явленій въ русской жизни и указаніе способовъ и средствъ достигнуть наилучшаго для Россіи положенія — вотъ существенное содержаніе „Путешествія“. Сказаннаго нами, думаемъ, достаточно для того, чтобы читателю выяснился истинный характеръ разсматриваемаго произведенія и дальнѣйшія разысканія — не слѣдовалъ ли князь Щербатовъ еще какимъ-либо образцамъ — представляются намъ едва ли нужными и, во всякомъ случаѣ, они несомнѣнно не важны. Во-первыхъ, сколько можно судить — по крайней мѣрѣ по бѣглому сравненію „Путешествія“ съ остальными социальными романами, — едва ли и найдутся въ нихъ сверхъ уже указаннаго сколько-нибудь существенныя и типичныя заимствованія; конечно, ни изъ одного подобнаго произведенія Щербатовъ не могъ заимствовать никакихъ указаній, имѣющихъ въ виду непосредственно Россію, а они то и составляютъ существенное содержаніе его „Путешествія“; что же касается болѣе или менѣе второстепенныхъ, такъ сказать вводныхъ, эпизодовъ, которые одинаково могли быть и въ сочиненіи касающемся Россіи, какъ и касающемся всякой другой страны, то мы видѣли, кажется, всѣ, которымъ находятъ аналогіи въ другихъ социальных романахъ; осталось бы подыскать еще аналогіи для той роли, которую играетъ при авторѣ Агабѣ, служащій ему какъ бы менторомъ, да для нравственнаго и религіознаго катехизиса офицеревъ, — но это уже нѣчто такое, установить генезисъ чего въ произведеніи князя Щербатова едва ли необходимо: своего рода менторство — приѣмъ слишкомъ распространенный въ литературѣ XVIII вѣка, чтобы отыскивать непременно источникъ, откуда проникъ онъ въ „Путешествіе“; нравственный катехизисъ офицеревъ есть изложеніе мыслей, вообще господствовавшихъ въ концѣ XVIII вѣка. Если бы

счастливый случай открылъ даже прямой, непосредственный источник изложенія ихъ у князя Щербатова—что вполне возможно, но чего, вмѣстѣ съ тѣмъ, вовсе не необходимо предполагать—то это не прибавило бы ничего существеннаго ни къ характеристикѣ произведенія князя Щербатова, ни къ характеристикѣ его самого: несомнѣнно, онъ читалъ много книгъ такъ называемой просвѣтительной литературы, отлично зналъ ея общее направленіе и духъ,—но написалъ ли онъ свои офирскіе катехизисы самостоятельно или просто перевелъ для нихъ какую-нибудь французскую книжку¹⁾—это вопросъ совершенно второстепенный. Важнѣе и интереснѣе вопросъ, къ которому мы теперь должны обратиться—именно выясненіе того, чего желалъ князь Щербатовъ для Россіи, что представлялось ему идеальными для нея порядками, особенно тогда, когда онъ совершенно свободно развивалъ свои взгляды, ничѣмъ не стѣсненный въ изображеніи своего вымышленнаго государства.

¹⁾ Въ „Путешествіи Клина“ есть то же списокъ правоучительныхъ правилъ одного изъ носѣщеныхъ Клиномъ государствъ; этотъ катехизисъ не лучше Щербатовскаго, но Щербатовъ, если не ошибаюсь, повторилъ лишь форму, а не содержаніе этой части сочиненія Гольберга.

III.

Характеризуя въ самомъ началѣ „Путешествія“ Офирскую страну, князь Щербатовъ говоритъ, что „она достойна примѣчанія мудрымъ учрежденнымъ правленіемъ, въ коемъ власть государская соображается съ пользою народною, вельможи имѣютъ право со всякою приличною смѣлостью мысли свои монарху представлять, ласкательство прогнано отъ царскаго двора и истина имѣетъ въ оный невозбранный входъ; въ коемъ законы содѣланы общимъ народнымъ согласіемъ и еще безпрестаннымъ наблюденіемъ и исправленіемъ въ лучшее состояніе приходятъ; правительствъ немного и немногочисленны, но (и) дѣлъ мало, ибо внутренняя издѣтства въ каждого добродѣтель и зачатія ихъ недопускаетъ: въ коемъ вельможи не пышны, не сластолюбивы, искусны, трудолюбивы. похвальное честолюбіе имѣютъ содѣлать счастливыми подчиненныхъ имъ людей; остатокъ же народа, трудолюбивый и добродѣтельный. чтить во первыхъ добродѣтель, потомъ законъ, а послѣ царя и вельможъ¹⁾“.

Мысль, что законы являются результатомъ всеобщаго согласія, развита Локкѣмъ, Руссо, Блэкстономъ и другими выдающимися философами и юристами XVII и XVIII вв.; встрѣчая эту идею и въ Щербатовскомъ „Путешествіи“, мы, казалось бы, должны ожидать, что его идеальное государство организовано согласно съ духомъ этихъ писателей и мыслителей, основано—хотя бы до нѣкоторой степени—на тѣхъ принципахъ равенства, которые изъ этой идеи выводились и вообще распространялись философіею XVIII вѣка. Но мы находимъ у Щербатова нѣчто совершенно обратное: царство Офирское—

¹⁾ Сочиненія князя М. М. Щербатова, I, 751—752.

наслѣдственная монархія со строгою сословною организаціею, причѣмъ высшее сословіе имѣеть чрезвычайно важныя привилегіи.

Во главѣ государства стоитъ императоръ, получающій власть наслѣдственно; одна династія править въ Офирской землѣ непрерывно уже болѣе 1700 лѣтъ. Императоръ пользуется внѣшними знаками преимуществъ своего сана, назначаетъ чиновниковъ, имѣеть право, или, по крайней мѣрѣ, возможность вліять на законодательство и государственныя установленія, какъ видно изъ упоминаній Щербатова о разныхъ узаконеніяхъ, введенныхъ тѣмъ или другимъ императоромъ ¹⁾. Способы и предѣлы этого вліянія Щербатовымъ не выяснены точно; мало того—какъ общее положеніе у него читаемъ: «цари не бывають ни ремесленниками, ни купцами, ни стряпчими, и не ощущають многихъ нуждъ, которыя ихъ подданныя чувствуютъ, а потому и неудобны суть сами сочинять законы» ²⁾. Очевидно, участіе императоровъ въ законодательствѣ должно было быть такъ или иначе ограничено; Щербатовъ не указалъ, какъ именно, но вообще у него императоръ „обузданъ законами“, которые служатъ ему довольно сильною помѣхою дѣлать многія преступленія, но все-таки—не устраняють ихъ совершенно ³⁾; его дворъ очень ограниченъ и строго опредѣленъ порядокъ, кого и когда долженъ приглашать къ своему столу императоръ, такъ что лица высшихъ степеней имѣють чаще случай бывать у государя; впрочемъ въ опредѣленные дни государь доступенъ для всѣхъ служащихъ. Никакой стражи императору не полагается, во-первыхъ, для того, чтобы онъ, „имѣя стражу, не почелъ ненужною для себя любовь народную“ и „не ввергся бы“ въ поступки, вредные для государства и во-вторыхъ, чтобы не сдѣлать изъ стражей, „склоненныхъ благодареніями государя“, послушныхъ орудій его власти, силою которыхъ онъ „страшенъ всѣмъ другимъ учинится и твердость духа, добродѣтель и законная свобода истребятся“ ⁴⁾. Въ Офирской землѣ существуетъ еще слѣдующій своеобразный способъ удерживать государя отъ поступковъ, несогласныхъ съ законами и общемою пользою: черезъ 30 лѣтъ послѣ смерти государя собираются государственные чины со спеціальною цѣлью судить его и по рѣшенію этихъ собраній, въ общемъ очень строгихъ къ государямъ, имъ присуждаются болѣе или менѣе почетные на-

¹⁾ Тамъ же I, 1024—1025.

²⁾ Тамъ же I, 980.

³⁾ Тамъ же I, 886—887, 946.

⁴⁾ Тамъ же I, 889.

мятники, а иногда налагается и позоръ на ихъ память ¹⁾). Такъ какъ по мнѣнію того мудраго офирскаго вельможи, въ уста котораго Щербатовъ вкладываетъ симпатичныя ему идеи, „общимъ образомъ нигдѣ народъ не можетъ быть довольно просвѣщенъ“ ²⁾, то у офирцевъ запрещены привѣтствія государю отъ простаго народа, ибо, въ виду указанной причины, „показуемые бы знаки радости и усердія отъ народа въ самомъ дѣлѣ ничего бы не значили, а могли бы нѣкоимъ государямъ вложить мысли гордости и предубѣжденія, яко бы они весьма любимы народомъ, что можетъ вредныя слѣдствія имѣть“ ³⁾. Такимъ образомъ, офирскіе императоры ограничены во власти и удалены, почти изолированы отъ народа. Но не къ народу перешла та часть власти, которая отъ нихъ отошла; она перешла къ высшему сословію страны, дворянству, въ частности къ вельможамъ.

Вельможи въ Офирской землѣ—это высшіе представители администраціи; а такъ какъ къ службѣ допускаются тамъ лишь дворяне, и лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, въ видѣ исключенія, достигаютъ высшихъ чиновъ представители незнатныхъ дворянскихъ фамилій, то значить, вельможи—это чиновные представители родовой аристократіи; это какъ бы бояре Московскаго государства; но права ихъ на участіе въ управленіи не опредѣлены только обычаемъ, какъ было въ Московскомъ государствѣ, а являются уже установленными закономъ. Вельможи не только „имѣютъ право со всею приличною сълостью мысли свои монарху представлять“, они суть прямо „правители государства“, отъ нихъ зависятъ „содѣлать счастливыми подчиненныхъ имъ людей“; весь офирскій народъ, „читвъ въ верныхъ добродѣтель, потому законъ, а послѣ—царя и вельможъ“ ⁴⁾—они поставлены, такимъ образомъ, особо отъ всего народа и очень высоко. Въ катехизисѣ офирцевъ въ почти дословно одинаковыхъ выраженіяхъ внушается „почитать и любить государя“ и „почитать вельможъ правителей государства“ и совершенно одинаковыя наказанія угрожаютъ тому, кто подастъ „неискренній совѣтъ“ царю и вельможамъ ⁵⁾.

¹⁾ „Сочиненія князя М. М. Щербатова“ I, 1019, 1024. — Въ третьей книгѣ „Путешествій Кяра“ Рамзея говорится о египетскомъ обычаѣ—предъ похоронами обсуждать жизнь каждаго покойника и солбранно съ рѣшеніемъ относительно его достоинствъ и пороковъ удастанвать его соотвѣтственно почетнаго или позорнаго погребенія.

²⁾ Тамъ же I, 893—894.

³⁾ Тамъ же I, 894.

⁴⁾ Тамъ же I, 949, 752, 752.

⁵⁾ Тамъ же I, 945, 946, 949.

Вельможи офирскіе, однако, вовсе не всё хороши и полезны государству—есть въ немъ много сановниковъ, не совершившихъ ничего достойнаго, встрѣчаются и такіе, которые совершали серьезныя злоупотребленія ¹⁾; Щербатовъ не, находилъ возможнымъ—а можетъ быть, не считалъ нужнымъ—представлять, что порядки, имъ предлагаемые, устранять всё ошибки чиновниковъ и злоупотребленія властью, какъ Верасъ, напимѣръ, утверждалъ—хотя, конечно, безъ доказательствъ,—что уничтоженіе частной собственности въ Севарабнн улучшило кореннымъ образомъ нравы народа, —князь Щербатовъ какъ бы находить и наиболѣе согласною съ требованіями разума и вполне достаточною, съ точки зрѣнія государственнаго блага, организацию, хотя бы и не обезпечивающую полнаго счастья народу, разъ только она обезпечиваетъ извѣстныя выгоды и преимущества высшему классу.

Кромѣ этого высшаго класса дворянъ, къ числу которыхъ относятся и вельможи, въ Офирской землѣ князь Щербатовъ различаетъ еще купцовъ и мѣщанъ, крестьянъ или рабовъ, и военныхъ. „Чѣмъ болѣе общественныя узы связуются, тѣмъ благополучиѣе человѣкъ становится“, внушаетъ офирскій катехизисъ ²⁾ и по всему духу этого катехизиса и по всему духу всего Щербатовскаго произведенія не остается сомнѣнія, что тутъ имѣется въ виду не сплоченіе народа въ единую равноправную массу, а именно—точнѣйшее опредѣленіе и закрѣпленіе общественныхъ дѣленій. И дѣйствительно, въ Офирской землѣ сословія строго раздѣлены. Государственная служба, открывающая путь къ власти и почестямъ, есть привиллегія дворянства и даже мало этого: служба эта до нѣкоторой степени имѣетъ характеръ частноправовой, утрачивая отчасти свой государственннй характеръ: высшіе сановники государства находятся обыкновенно при императорѣ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ могутъ возникать дѣла, ихъ касающіяся, они держатъ своихъ повѣренныхъ, и эти повѣренные являются участниками въ рѣшеніи дѣлъ не какъ государственные чиновники, а именно какъ уполномоченные этихъ высшихъ сановниковъ и отъ имени своего довѣрителя они участвуютъ въ дѣлахъ, на участіе въ которыхъ по своей собственной государственной службѣ они не имѣли бы никакого права ³⁾. Въ признаніи удобства

¹⁾ Сочиненія князя М. М. Щербатова I, 1017, 1018, 1025.

²⁾ Тамъ же I, 937.

³⁾ Тамъ же I, 771.

отъ существованія такихъ „повѣренныхъ“ нельзя не видѣть знакомства Щербатова съ французскими юридическими сочиненіями его времени, если не съ самою организаціею провинціальной администраціи въ тогдашней Франціи: эти „повѣренные“—то-же самое, что представляли изъ себя *subdélégués*, которые встрѣчались преимущественно при интендантахъ и дѣйствовали не какъ правительственные органы, а именно въ силу порученій, которыя они получали отъ интендантовъ ¹⁾).

Чистота дворянскаго сословія строго соблюдается; „за достоинства нѣкоторые достигаютъ чести быть приняты въ сословіе благородныхъ“, но такіе члены сословія благородныхъ все-таки отличаются отъ „знатныхъ“ ²⁾). Особенно же строго пресѣченъ доступъ въ сословіе благородныхъ незаконнорожденнымъ—они остаются въ низшемъ родѣ людей. Въ сочиненіи своемъ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ князь Щербатовъ очень возмущается тѣмъ, что въ дворянство вошли нѣкоторые незаконныя дѣти представителей знатныхъ фамилій ³⁾). Въ „Путешествіи“ единственный разъ по этому поводу г. С. вступаетъ въ споръ съ офицеремъ и восклицаетъ: „но умиосердись! чѣмъ виновны несчастные младенцы, что ихъ родители содѣлали беззаконный бракъ, чтобы ихъ навсегда несчастными сдѣлать?“ ⁴⁾). но офицеръ представляетъ ему возраженія, которыя быстро и убѣждаютъ г-на С. и которыя князю Щербатову, очевидно, казались неопровержимыми—именно онъ говоритъ, что эти дѣти родились внѣ закона и слѣдовательно не находятся даже подъ защищеніемъ его, такъ что государство еще оказываетъ имъ благодѣяніе, не лишая ихъ всѣхъ правъ, какія принадлежать другимъ гражданамъ. Признавая за членами знатныхъ фамилій преимущественныя права по службѣ, хотя и не узаконенныя, но подкрѣпленныя твердо установившимся обычаемъ ⁵⁾, князь Щербатовъ заставляетъ своего идеальнаго офира восклицать: „сохрани насъ Боже, чтобы мы шли, якобы въ головы токмо нѣкотораго числа людей, въ чинахъ находящихся, Богъ помѣстилъ весь разумъ, ограбя всѣхъ прочихъ людей отъ того“ ⁶⁾—и потому у офира есть

¹⁾ Ср. *Ардашевъ, П. Н.*, Провинціальная администраціи во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка, глава пятая, I, II (въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1899, ноябрь).

²⁾ Сочиненія князя М. М. Щербатова I, 982.

³⁾ Тамъ же II, 218—222.

⁴⁾ Тамъ же, I, 832—835.

⁵⁾ Тамъ же, I, 982.

⁶⁾ Тамъ же, I, 877.

правило „терпѣть охуленія на правительство, ихъ собирать и по сему стараться дѣлать исправленія“—но, насколько можно судить по организаціи, приписываемой княземъ Щербатовымъ его идеальной странѣ. такія указанія могли имѣть значеніе лишь, такъ сказать, совѣщательное и невиднo, чтобы какимы бы то ни было образомъ могли они повліять на законодательство безъ доброй воли вельможъ.

Разныя сословія въ Офирской землѣ распредѣляютъ между собою дѣятельность совершенно такъ, какъ казалось всегда Щербатову наиболѣе справедливымъ и необходимою чего онъ постоянно доказывалъ въ засѣданіяхъ Комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія: дворяне служатъ, купцы и ремесленники занимаются торговлею и промыслами, крестьяне—это рабы, крѣпостные: прямо этого не сказано, но по всему словоупотребленію въ напечатанной части „Путешествія“ очевидно, что Щербатовъ и въ землѣ Офирской предполагаетъ такое же тождество этихъ понятій, какое создалось въ Россіи къ концу XVIII вѣка ¹⁾. Каждое сословіе имѣетъ свои школы; наиболѣе способные и прилежные ученики изъ мѣщанскихъ школъ могутъ переходить въ концѣ концовъ и въ высшія академіи, куда поступаютъ ученики и изъ дворянскихъ школъ; но въ то время, какъ дворяне, находясь въ этихъ академіяхъ, считаются уже на службѣ и даже получаютъ жалованье, которое идетъ, впрочемъ, на содержаніе школъ, ученики этихъ академій изъ мѣщанъ по окончаніи курса возвращаются къ своему роду дѣятельности и для нихъ есть только одна служебная дорога, впрочемъ, не ведущая къ почестямъ и власти—это сдѣлаться учителями въ дворянскихъ школахъ ²⁾.

Все управленіе имперіею сосредоточено къ Квамo. Здѣсь находятся слѣдующія центральныя государственныя учрежденія: высшее правительство храненія законовъ, палата памятная, казна государственная, палата доходовъ, государственная палата уголовныхъ дѣлъ, государственная палата суда о всякаго рода имѣніяхъ, государственная палата домоводства и земледѣлія, государственная палата мореплаванія, государственная палата торговли, государственная палата воинская, государственная палата дѣлъ съ чужими народами, государственное благочиніе, государственный купецкій судъ, общее судилище купецкихъ дѣлъ и палата разсмотрительная законовъ. Затѣмъ въ Квамo же пять академій: наукъ, артиллеріи, инженерства

¹⁾ См. особенно „Сочиненія кн. М. М. Щербатова“, I, 952.

²⁾ Тамъ же, 922—928.

и архитектуры, художествъ, наукъ мореплавателейскихъ и наукъ свободныхъ, наконецъ семь училищъ, арсеналь, фабрика оружія и административныя учрежденія губерніи Квато 1).

Высшее правительство—это близкое подобіе русскаго сената въ Екатерининское время: такъ же вѣдаетъ оно и законодательство, и дѣла судебныя и высшую администрацію, такъ же дѣлится оно на шесть департаментовъ, каждымъ департаментомъ править одинъ изъ шести его членовъ, избираемый своими товарищами на годъ; при каждой департаментѣ „законникъ“, съ обязанностями оберъ-прокурора департаментовъ, такъ же всѣ департаменты соединяются въ общее собраніе, для разрѣшенія дѣлъ, по которымъ члены департаментовъ не могутъ придти къ соглашенію. При организаціи очень близкой къ организаціи русскаго сената въ XVIII вѣка въ офирскомъ высшемъ правительствѣ соблюдалась большая строгость въ отношеніи къ опаздыванію судей и къ слушанію дѣлъ во-время и въ очереди 2); существенною же особенностью является лишь слѣдующее: при высшемъ правительствѣ состоятъ постоянно „верховныя земскіе судьи“, иначе „депутаты отъ дворянства 3)“; они избираются по очень сложной системѣ, по пяти депутатовъ отъ каждой изъ пятнадцати губерній, присутствуютъ по 9 человекъ въ каждомъ изъ шести департаментовъ 4) и замѣняютъ, по жребію, членовъ департамента въ случаѣ ихъ отсутствія; они наблюдаютъ, „чтобы не учинено было какого положенія во вредъ“ той губерніи, представителемъ которой тотъ или другой изъ нихъ является. Они имѣютъ свои общія собранія и депутатъ, узнавшій, что въ какомъ либо департаментѣ предполагается нѣчто вредное для представляемой имъ губерніи, имѣетъ право протестовать противъ этого постановленія, хотя бы онъ и не присутствовалъ въ томъ департаментѣ, гдѣ это дѣло рѣшалось. Такимъ образомъ эти депутаты могли высказываться по всѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, по всякимъ вопросамъ, кромѣ вопросовъ торговыхъ, выдѣленныхъ особо; для наблюденія за этими послѣдними и для представленій по поводу ихъ имѣлись особые мѣщанскіе депутаты, числомъ 15 5).—И такъ, проектируя наилучшее верховное правитель-

1) „Сочиненія кн. М. М. Щербатова“, I, 1014—1015.

2) Тамъ же, I, 1046, 1047.

3) Тамъ же, I, 1052.

4) См. 1049—хотя по 5 человекъ съ 15 губерній будетъ 75, а по 9 человекъ въ 6 департаментахъ—54; Щербатовъ не замѣтилъ этой своей ошибки.

5) „Сочиненія кн. М. М. Щербатова“, I, 1046—1053.

ство, князь Щербатовъ нашелъ нужнымъ только пополнить существовавшее уже въ Россіи высшее учрежденіе участіемъ въ его дѣятельности выборныхъ дворянскихъ представителей,—опять-таки только дворянскихъ — съ широкимъ правомъ протестовать противъ всякаго вреднаго, по мнѣнію каждаго изъ нихъ, постановленія. Какъ должно было правительство отнестись къ этимъ протестамъ, что могло послѣдовать при различіи во взглядахъ правительства и этихъ высшихъ земскихъ судей—князь Щербатовъ не выясняетъ; онъ довольствуется распространеніемъ на дворянъ большихъ правъ по участію въ рѣшеніе общегосударственныхъ дѣлъ; вѣдь дворяне же, во всякомъ случаѣ, рѣшали дѣла, потому что только они были въ числѣ и коронныхъ членовъ вышняго правительства. Князь Щербатовъ въ своемъ идеальномъ государствѣ желалъ видѣть дальнѣйшее распространеніе того права губернскихъ дворянскихъ собраній дѣлать представленія губернаторамъ и даже повергать свои ходатайства на усмотрѣніе Высочайшей власти, которое онъ въ своихъ „Примѣчаніяхъ вѣрнаго сына отечества на манифестъ“ называетъ „правомъ весьма полезнымъ, однако такимъ, котораго у каждаго человѣка (sic) лишить не можно ¹⁾“—упуская изъ виду, что онъ защищалъ постоянно такой порядокъ вещей, при которомъ множество людей были лишены не только этого права, но и другихъ правъ, гораздо болѣе существенныхъ и важныхъ.

Изъ другихъ высшихъ государственныхъ учреждений Офирской земли князь Щербатовъ описалъ лишь помѣстную палату, которая вѣдала дѣла объ имѣніяхъ, въ частности—объ ихъ переходѣ изъ рукъ въ руки. Въ странѣ Офирской онъ изображаетъ осуществленную ту организацію, которую онъ рекомендовалъ въ своей „Статистикѣ въ разсужденіи Россіи“, какъ наиболѣе удобную для упорядоченія земельныхъ споровъ и дѣлъ ²⁾. Состоитъ она въ томъ, что въ особомъ центральномъ учрежденіи содержатся книги, въ которыя, по уѣздамъ, записываются по алфавиту всѣ волости села и деревни, и противъ имени каждаго селенія отмѣчаются перемены его изъ рукъ въ руки. Кромѣ наблюденія за мобилизаціею недвижной собственности эта палата имѣетъ еще задачу—препятствовать дробленію имѣній между наследниками, и наоборотъ—содѣйствовать соединенію въ однѣхъ рукахъ имѣній, уже раздробленныхъ; въ видахъ этого она оказываетъ значи-

¹⁾ „Сочиненія кн. М. М. Щербатова“, I, 299.

²⁾ Тамъ же, I, 585—586, 1034—1035.

тельную экономическую поддержку тому изъ наследниковъ, который принимает на себя владѣть всѣмъ имѣніемъ, съ обязательствомъ выплатить остальнымъ сонаследникамъ за причитающіяся имъ части деньгами ¹⁾. Князь Щербатовъ даетъ даже расчетъ процентовъ и распредѣленіе уплаты по годамъ, принимаемыхъ въ этой палатѣ — во эта система, какъ и другія финансовыя соображенія Щербатова, очень сложна, практически никогда и вгдѣ не примѣнялась и, конечно, невозможна для практическаго примѣненія.

Экономическое положеніе Офирской земли князь Щербатовъ изображаетъ въ блестящемъ видѣ; богатства и роскоши особенныхъ нѣтъ, говоритъ онъ, но нѣтъ и бѣдности; неимущихъ, нуждающихся въ постоянной посторонней помощи такъ мало, что часто люди, желающіе помогать другимъ, не находятъ никого, кто бы въ этой помощи нуждался ²⁾. Причины такого блестящаго экономическаго положенія по мнѣнію Щербатова суть слѣдующія: во-первыхъ—незначительные расходы на администрацію, обусловленные тѣмъ, что при общей простотѣ жизни въ Офирской землѣ чиновники довольствуются очень небольшимъ жалованьемъ, а при добросовѣстности и ревности къ своему дѣлу всѣхъ служащихъ штаты ихъ очень невелики; во-вторыхъ—дешевизною содержанія войска по принятой въ странѣ системѣ, и въ третьихъ—правильнымъ распредѣленіемъ налоговъ; въ общемъ, при населеніи въ 11¹/₂ милліоновъ мужскаго пола, государственные доходы достигаютъ шестидесяти милліоновъ рублей ³⁾. Какъ и почему офирцамъ легко платить почти по 6 руб. въ годъ среднимъ числомъ на жителя мужскаго пола, — князь Щербатовъ не разъясняетъ; въ Россіи въ 1780—1785 гг., при количествѣ жителей мужскаго пола приблизительно равномъ 12—15 милліонамъ, государственныхъ доходовъ въ годъ было не болѣе 42-хъ милліоновъ рублей и платить эту сумму населенію было очень нелегко. Что касается налоговъ, то офирское правительство, по словамъ князя Щербатова, тщательно соразмѣряетъ ихъ съ платежными силами населенія ⁴⁾—никакихъ болѣе точныхъ указаній князь Щербатовъ не даетъ, а это общее мѣсто, очевидно, ничего не объясняетъ. Князь Щербатовъ вообще былъ очень склоненъ самымъ поверхностнымъ образомъ скользнуть по такимъ сложнымъ вопросамъ и очень мало останавливался на сколько-

¹⁾ „Сочиненія князя М. М. Щербатова“, I, 1036—1039.

²⁾ Тамъ же, I, 954, 963—964.

³⁾ Тамъ же, I, 863, 871, 876.

⁴⁾ Тамъ же, I, 882—883.

нибудь тщательномъ обсужденіи тѣхъ хѣръ, которыя должны были, по его словамъ, существенно улучшить положеніе; такъ напримѣръ онъ говоритъ, что на промыслы, которыми занялись родственники солдатъ, не несшіе дѣйствительной службы, правительство наложило очень небольшую и легкую подать, но она доставила такія суммы, что на нихъ содержались самые гарнизоны — какъ и почему это вышло — князь Щербатовъ на этомъ не останавливается. У князя Щербатова, какъ у большинства государственныхъ дѣятелей XVIII вѣка, и не только русскихъ, очевидно полное отсутствіе здравыхъ понятій объ экономической жизни народа и государства — что, впрочемъ, довольно естественно, ибо наука политической экономіи тогда еще, можно сказать, не существовала. Царство Офирское Щербатова также основано на крѣпостномъ правѣ, какъ и современная ему Россія; и допускающая блестящее финансовое положеніе для него, князь Щербатовъ тѣмъ самымъ доказываетъ, что ему совершенно недоступна была такая очевидная и безспорная истина, какъ невозможность для государства дойти до твердаго, хорошаго финансоваго положенія, пока весь строй его основанъ на подневольномъ крѣпостномъ трудѣ и пока масса населенія лишена многихъ важнѣйшихъ правъ.

Что касается областной администраціи Офирскаго царства, то оно дѣлится на 15 губерній, каждая губернія — на двѣ провинціи и каждая провинція — на два уѣзда; всякій губернскій городъ является въ то же время и провинціальнымъ и уѣзднымъ, а каждый провинціальныи — въ то же время и уѣзднымъ, и въ каждомъ губернскомъ городѣ имѣются особыя учрежденія губернскія, особыя — провинціальныя и особыя — уѣздныя, а въ каждомъ провинціальнои — особыя учрежденія провинціальныя и особыя уѣздныя. Кроме того, повсюду рядомъ съ „правительствомъ государственнымъ“ есть и „правительство гражданское“; въ первомъ засѣдаютъ судьи опредѣленные отъ короны. во второмъ — „отъ уѣзда того города выбранные трое судей“; первое „правительство“ „судитъ дѣла уголовныя и дѣла учреждений и доходов“, а второе „судитъ дѣла земскія“; въ случаѣ разногласія членовъ котораго-нибудь изъ этихъ судилицъ оба — и правительственное и гражданское — соединяются въ одно засѣданіе и рѣшаютъ дѣло сообща ¹⁾. Въ этомъ устройствѣ ясно сходство съ устройствомъ губернскаго и городского управленія по Екатерининскому учрежденію о губерніяхъ; наиболѣе замѣтною особенностью у Щербатова является

¹⁾ „Сочиненія князя М. М. Щербатова“, I, 1049—1050.

очень сложная система выбора членовъ въ эти учрежденія, согласно которой, во-первыхъ, въ учрежденія губерскія могутъ попасть только люди, уже служившіе въ учрежденіяхъ провинціальныхъ, а въ эти послѣдніе—лишь служившіе уже въ учрежденіяхъ уѣздныхъ, а во-вторыхъ, ежегодно возобновляется часть состава въ каждомъ правительствѣ. Внося, такимъ образомъ, въ организацію областного управленія для приданія ему полного совершенства не какія-либо коренныя перемѣны, а лишь поправки вовсе не существенныя, Щербатовъ тѣмъ не менѣе очень рѣзко критикуетъ реформы Екатерины по внутреннему устройству имперіи вообще, а въ частности—усиленное и иногда, дѣйствительно, не достаточно обдуманное основаніе новыхъ городовъ. Въ царствѣ Офирскомъ относительно городовъ существуетъ взглядъ, который, по мнѣнію Щербатова, діаметрально противоположенъ взглядамъ Екатерины на этотъ предметъ. По словамъ офирскаго вельможи, высказывающаго г-ну С. свои мысли о городахъ, которыя устами г-на С. князь Щербатовъ признаетъ весьма вѣрными и замѣчательными, у нихъ отлично понимаютъ, что „власть монарша не содѣлываетъ города, но физическое или политическое положеніе мѣста, либо особливныя обстоятельства: либо гдѣ уже завелась великія селенія ч требующія окромѣ земскаго управленія управленія гражданскаго, либо гдѣ есть мастерства и рукодѣлія, либо гдѣ есть торги и пристанища—сіи мѣста токмо требуютъ учрежденія городами“; въ Офирской землѣ убѣждены, что „не побудитъ торговлю многое число названыхъ мѣщанами, но побудитъ ее сельская жизнь, воздержность и трудолюбіе, которыя, конечно, несравнительно менѣе, не взирая на всѣ учрежденія, въ городахъ находятся, нежели въ деревняхъ“; тамъ понимаютъ необходимость имѣть города лишь въ такомъ разстояніи, чтобы земледѣлецъ могъ въ 2 или 3 дня доѣхать до города; ограниченіемъ числа городовъ достигается, между прочимъ и улучшеніе нравовъ, которые въ городахъ портятся гораздо скорѣе, чѣмъ въ деревняхъ ¹⁾. Тѣ правила относительно городовъ, какими руководствовались въ царствѣ Офирскомъ во время пребыванія тамъ г-на С., являлись прямою противоположностью тѣмъ, какіхъ придерживался нѣкогда офирскій императоръ Кастаръ, который „былъ властолюбивъ, честолюбивъ, роскошенъ и пышенъ, съ соединеніемъ совершеннаго незнанія о обстоятельствахъ государства. Онъ любилъ строенія, мня несправедливо, что кучи камней, складен-

¹⁾ „Сочиненія князя М. М. Щербатова“, I, 796—797.

ныя искусствомъ зодчихъ и каменщиковъ въ порядокъ приведенныя, вѣчную ему содѣлають славу“; онъ настроилъ множество городовъ— между прочимъ онъ обстроилъ и Тервекъ, о чемъ мы говорили выше— городовъ, которые потомъ пришлось снова обращать въ деревни, къ великому удовольствію ихъ жителей ¹⁾. Нечего, конечно, и доказывать, что князь Щербатовъ въ значительной степени извращаетъ взглядъ на значеніе городовъ императрицы Екатерины, которая является у него нѣсколько разъ подъ именемъ императора Бастара, а разъ—императрицы Аракитен ²⁾: безъ сомнѣнія, она не стремилась создать себѣ вѣчную славу самыми строеніями городовъ; она преслѣдовала почти тѣ же самыя выгоды для населенія, которыя надо имѣть въ виду и по мнѣнію офирскихъ мудрецовъ Щербатова; цѣли эти далеко неполнѣ были достигнуты, потому что и всегда дѣйствительно полезныя слѣдствія достигаются медленно и съ большою работою; если же въ мысляхъ Екатерины о построеніи новыхъ городовъ были и ошибки и увлеченіе—то въ значительной степени эти ошибки у нея общія съ Щербатовымъ.

Совершенно отлично отъ принятаго въ Россіи способа организована въ Офирскомъ царствѣ военная сила—именно въ видѣ военныхъ поселеній. Эта система въ XVIII вѣкѣ въ Россіи примѣнялась только къ устройству выходцевъ изъ славянскихъ земель, которые были поселены по южной границѣ; она и тутъ давала результаты, въ общемъ, совершенно неудовлетворительныя ³⁾; примѣненіе болѣе широкое— и болѣе близкое къ идеаламъ Щербатова—получила она только впоследствии и, подъ руководствомъ такихъ дѣятелей, какъ Аракчевъ и графъ Клейнмихель, быстро привела къ результатамъ, которые заставили навсегда оставить мысль о такой организаціи военныхъ силъ страны. Незаслуживаютъ особаго вниманія и тѣ соображенія, какими подкрѣпляетъ Щербатовъ свое утвержденіе

¹⁾ „Сочиненія князя М. М. Щербатова“, I, 954—955, 881—882.

²⁾ См. тамъ же, I, 880; тутъ говорится, что во время этой императрицы произошелъ бунтъ, чуть не отнявшій у нея короны, и что бунтъ этотъ могъ распространиться благодаря тому, что эта императрица сдѣлала почти всѣ губерніи равной величинѣ и потому лишила себя возможности силами центральной губерніи Киамо подавить возстаніе. Напечатано имя *Аракитен*—но мы думаемъ, что тутъ въ рукописи буква „к“ прочитана за „н“, что весьма легко можетъ случиться; имя же *Аракитен* близко къ анаграммѣ слова „Екатерина“.

³⁾ См. *Журавскій Д. II*, Статистическое обозрѣніе расходовъ на военныя потребности съ 1711 г. по 1825. С.-Пб., 1859. 33—41, 83—89.

пользы этого порядка ¹⁾): въ такомъ дѣлѣ, имѣющемъ чисто практическое значеніе, самыя прекрасныя теоретическія доказательства не имѣютъ никакой цѣны, если указанія практики такъ рѣшительно говорятъ противъ нихъ. Князь Щербатовъ предлагаетъ не только организацію войска; онъ даетъ указанія, какъ удобнѣе всего обезпечить безопасность имперіи отъ виѣшнихъ враговъ — именно предлагаетъ расположить внутри государства нѣсколько особыхъ армій, предназначенныхъ каждая для дѣйствій противъ одного изъ возможныхъ враговъ, и еще одну, назначеніе которой подавать помощь той изъ трехъ первыхъ, которая будетъ въ этой помощи нуждаться. Вѣроятно, кн. Щербатовъ слѣдуетъ въ обоихъ этихъ случаяхъ какому нибудь военному авторитету своего времени, котораго намъ, къ сожалѣнію, не удалось открыть. Такъ надо предполагать во-первыхъ потому, что въ трехъ „Письмахъ“, относящихся къ 1759 или 1760 г. г. ²⁾ и трактующихъ о военныхъ вопросахъ, кн. Щербатовъ говоритъ объ воспитаніи и обученіи солдатъ совершенно въ иномъ духѣ чѣмъ въ „Путешествіи“ — хотя и тамъ мысли его не отличаются ни оригинальностью, ни глубиной, во-вторыхъ, же и особенно, потому, что цесаревичъ Павелъ Петровичъ въ перепискѣ съ графомъ П. И. Панинымъ высказывалъ совершенно такую же мысль — о необходимости постоянно имѣть внутри государства арміи, готовыя дѣйствовать каждая противъ извѣстнаго виѣшняго врага ³⁾. Въ то время, при невозможности быстро мобилизовать войска, старались вообще держать арміи почти наготовѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ можно было ожидать нападенія, и разница между арміею на мирномъ положеніи и на военномъ была несравненно менѣе, чѣмъ нынѣ; но и князь Щербатовъ, и цесаревичъ Павелъ Петровичъ, оба доходятъ уже до крайностей въ точности своихъ опредѣленій, какая армія противъ какого врага предназначена — очевидно, что не пришли они къ совершенно одинаковымъ положеніямъ самостоятельно. Изъ замѣчаній князя Щербатова, имѣющихъ отношеніе къ военному дѣлу, заслуживаетъ вниманія лишь мысль, что военная служба должна быть сравнена со статскою, а не считаться выше и почетнѣе послѣдней ⁴⁾, всѣхъ же

¹⁾ „Сочиненія кн. М. М. Щербатова“, I, 902—914.

²⁾ Въ рукописи Императорской Публичной Библіотеки, Э. Б., № 228, стр. 97—149.

³⁾ *Русская Старина*, 1882 года, т. 33, 407—418 и 739—764, см. особо 749 и слѣд.

⁴⁾ „Сочиненія кн. М. М. Щербатова“, I, 864—865.

остальныхъ его замѣчаній по этому вопросу—особенно предлагаемой имъ организациі военнаго командованія, которая является полнымъ отрицаніемъ всякой военной дисциплины и субординаціи ¹⁾),—нельзя не признать совершенно неосновательными.

На народное образованіе въ Офирской землѣ обращено большое вниманіе. Во всякомъ селеніи, гдѣ есть храмъ, есть и школа для крестьянскихъ дѣтей; для солдатскихъ дѣтей—особыя школы въ мѣстахъ расположенія полковъ, въ городахъ—особыя мужскія и женскія училища для дворянъ и особыя для мѣщанъ; изъ этихъ училищъ можно поступать въ высшія, тоже особыя для дворянъ и мѣщанъ, находящіяся въ губернскихъ городахъ; наконецъ, въ Квемо, какъ мы видѣли, находятся высшія академіи. Образованіе преслѣдуетъ почти исключительно утилитарныя цѣли: въ сельскихъ школахъ учатъ читать, писать и считать; въ городахъ дѣти мѣщанъ и купцовъ учатся еще ремесламъ, дворянскія же дѣти—„рисовать, ариметикѣ, первымъ началамъ геометріи, плясать и дѣйствовать оружіемъ“; въ губернскихъ школахъ „окромѣ подтвержденія того, что въ нижнихъ школахъ учились, продолжаютъ геометрію, учатъ военную и гражданскую архитектуру, артиллерію, исторію, географію и часть физики“; въ академіяхъ можно идти далѣе въ изученіи высшей математики, физики, химіи и астрономіи. Такимъ образомъ, за исключеніемъ исторіи и географіи, всѣ остальные предметы обученія имѣютъ чисто практическое, прикладное значеніе; вмѣсто закона Божія, литературы, философіи уже съ самыхъ первыхъ школъ изучаются два катехизиса, „нравственный и законный“. По мнѣнію Щербатова офирскіе юноши получаютъ въ школахъ прекрасное нравственное воспитаніе,—особенно выставляетъ онъ пользу обычая, что никакой школьникъ не можетъ пользоваться въ школѣ чѣмъ либо съѣстнымъ, принесеннымъ изъ дому, иначе, какъ подѣлившись съ товарищами; охранѣ нравственности учащихся отлично содѣйствуетъ, по мнѣнію Щербатова, правило, чтобы ни одинъ ученикъ не приходилъ въ школу, а равно и не уходилъ бы изъ нея, иначе, какъ въ сопровожденіи пожилаго уже и почтеннаго человѣка ²⁾)—страннымъ образомъ Щербатовъ не замѣчаетъ, что это доказываетъ лишь полную недостаточность того нравственнаго вліянія, какое оказываетъ на учащихся школа, хотя въ ней „ежедневно по полчаса употребляется

¹⁾ Сочиненія кн. М. М. Щербатова, I, 913.

²⁾ Тамъ же, I, 922—926.

на преподаваніе нравственныхъ правилъ“¹⁾, а кромѣ того — дурную нравственность всего народа, если необходимо такъ тщательно контролировать всякое возможное соприкосновеніе учащихъ съ остальными обществомъ. Нельзя объяснять эту мѣру стремленіемъ создать „особую породу людей“, какое было у Екатерины и Бецкаго, когда они давали новую организацію кадетскому корпусу и основывали воспитательные институты для дѣвицъ—въ землѣ Офирской порядки установлены и соблюдаются безъ существенныхъ измѣненій уже болѣе 1700 лѣтъ. Вообще, хотя Щербатовъ не разъ приписываетъ всему офирскому народу доброжелательность, скромность, чистоту нравовъ, уваженіе къ законамъ—но у него проскальзываютъ сообщенія, свидѣтельствующія, что нравственность этого народа въ сущности ничуть не лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ данномъ случаѣ князь Щербатовъ какъ будто бессознательно почувствовалъ тотъ результатъ, къ какому должны были повести такое религіозное и такое нравственное ученіе, какія по его словамъ, существовали у офирцевъ.

Трудно себѣ представить что-либо болѣе узкое и холодное, болѣе исключительно-разсудочное и вмѣстѣ мелкое, чѣмъ нравственный катехизисъ офирцевъ, опредѣляющій, по словамъ князя Щербатова, всю ихъ жизнь и дѣятельность. Онъ весь основанъ на соображеніяхъ самой мелкой личной выгоды и практическаго удобства; тщетно было бы искать въ немъ что нибудь хоть близкое къ высотѣ нравственнаго ученія евангелія; взаи́мъ проповѣди альтруизма, взаи́мъ стремленія къ высшему нравственному совершенству во имя абсолютнаго его достоинства и безъ всякихъ постороннихъ соображеній—катехизисъ Щербатова дѣаетъ такіа наставленія, какъ „хранить вѣренныя тайны“, „избѣгать излишнихъ разговоровъ“, „терпѣливо сносить противорѣчія“ и т. п.; даже внушая пользу справедливости, катехизисъ этотъ исходитъ изъ соображенія, что доказанная предъ другими справедливость чело́вѣка доставитъ самому ему выгоды²⁾... Пытаясь требованія морали замѣнить разсудочными предписаніями, князь Щербатовъ впадаетъ въ самый жалкій и холодный педантизмъ; раціоналистическая философія XVIII вѣка всегда оказывалась особенно слабою, когда затрoгивала вопросы нравственности; и эта ея слабость очень ярко отразилась въ Щербатовскихъ катехизисахъ.

¹⁾ Сочиненія кн. М. М. Щербатова, I, 928.

²⁾ Тамъ же, I, 805—811, 828—839 и др.

³⁾ См. напримѣръ Сочиненія кн. М. М. Щербатова, I, 913, 914, 1043 и др.

Единственно, что может быть поставлено рядомъ съ нравственнымъ катехизисомъ офицеревъ по своей очевидной неудовлетворительности—это ихъ религія. Она не имѣетъ цѣлью удовлетворять яснымъ, но глубокимъ стремленіямъ человѣческаго духа, она служитъ лишь охраненію порядка, тишины и спокойствія; она и разсматривается какъ часть полиціи и чины полиціи являются у офицеревъ священнослужителями. Во имя этой религіи, проникнутой дѣйствительно полицейскимъ духомъ, ея служители имѣютъ право вступаться въ частную жизнь людей: такъ, какъ только они узнаютъ о супружескихъ несогласіяхъ, они вмѣшиваются въ эти отношенія, хотя бы на одна изъ сторонъ и не обращалась къ властямъ; немедленно вмѣшиваются служители религіи и тогда, какъ только узнаютъ о сожительствѣ неженатыхъ или о нарушеніи супружеской вѣрности, и въ то же время прямо выставляется принципъ: „дѣлай, что хочешь въ тайнѣ, за это наказанія нѣтъ, но не приключай соблазна!“¹⁾ Въ этомъ случаѣ князь Щербатовъ является полнымъ представителемъ своего вѣка, резонирующаго, невѣрующаго, въ тайнѣ даже презирающаго то, что называетъ онъ своею религіею. Полная неискренность князя Щербатова въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ говоритъ о благотворномъ вліяніи религіи офицеревъ на ихъ нравы, намъ кажется несомнѣнною въ виду слѣдующаго: вся религія офицеревъ есть чисто религія разума; всякое откровеніе въ ней рѣшительно отвергается и наблюденіе видимой природы признается совершенно достаточнымъ для богопознанія и богопочтенія²⁾; и эта религія выставляется религіею идеальнаго государства, — а въ сочиненіи своемъ „О поврежденіи правовъ въ Россіи“, писанномъ въ 1786—1789 г., тогда какъ „Путешествіе“ написано всего за пять-за шесть лѣтъ до этого³⁾, князь Щербатовъ въ заключеніе своего обзора царствованія Екатерины говоритъ: „Представивъ сію печальную картину, кажется, что уже не настоятъ нужды оказывать. имѣть ли она (Екатерина) вѣру къ Закону Божию. ибо, если бы сіе имѣла. то бы самый

¹⁾ Сочиненія кн. М. М. Щербатова, 934, 944 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, I, 835—836, 931—937. Близость въ данномъ случаѣ Щербатова къ „Entretien“ Лешинскаго мы уже отмѣтили.

³⁾ Авторъ понадеетъ къ офицерамъ въ началѣ 1777 г.; по обѣщанію своему они должны были доставить его къ мысу Доброй Надежды черезъ 2—3 года, слѣдовательно въ 1779—1780; надо оставить еще нѣсколько времени на возвращеніе въ Европу и положеніе всего сочиненія. У императора офирскаго два сына 7 и 5 лѣтъ—вѣроятно, это намекъ на великихъ князей—Александра и Константина, которымъ было 7 и 5 лѣтъ въ 1783—1784 г.; кромѣ того, въ одномъ мѣстѣ есть намекъ на присоединеніе Крыма.

Законъ Божій могъ исправить ея сердце и наставить стопы ея на путь истины. Но пѣсть: упоена безразмыслительнымъ чтеніемъ новыхъ писателей, Законъ Христіанскій (хотя довольно набожно быть притворяется) ни за что почитаетъ. Коль ни скрываетъ своихъ мыслей, но онѣ многожды въ бесѣдахъ ея открываются, а дѣянія иначе (и паче?) доказуютъ: многія книги Вольтеровы, разрушающія законъ, по ея приказанію были переведены, яко Кандидъ, принцесса Вавилонская и прочія, и Беллизеръ Мармонтелевъ, *не полагающій никакой разности между добродѣтели язычниковъ и добродѣтели христіанской*¹⁾, не токмо обществомъ, по ея велѣнію былъ переведенъ, но и сама участницею перевода онаго была... и такъ можно сказать, что въ царствованіе ея и сія нерушимая подпора совѣсти и добродѣтели разрушена стала²⁾. И такъ, тутъ князь Щербатовъ выставяетъ очень крупною ошибкою Екатерины, что она сдѣлала нѣкоторые шаги въ томъ направленіи, по какому онъ такъ смѣло идетъ, рисуя свое идеальное государство—очевидно, что искренняго убѣжденія по этому вопросу князь Щербатовъ не имѣетъ.

Мы рассмотрѣли все существенное содержаніе „Путешествія въ землю Офирскую“. Намъ кажется, что къ сказанному нѣтъ необходимости многого прибавлять: воззрѣнія князя Щербатова не многіе вопросы современности давно уже извѣстны достаточно точно; они представляются въ прежнемъ свѣтѣ и на основаніи рассмотрѣннаго нами произведенія; думаемъ, однако, что оно даетъ нѣсколько болѣе полное освѣщеніе кое-чему такому, на что въ другихъ произведеніяхъ Щербатова есть только намеки и что тамъ не доведено до послѣднихъ выводовъ.

Невысокими оказываются идеалы автора; едва ли можно признать ихъ выше современной ему русской дѣйствительности. Дѣятельность русскаго правительства и императрицы онъ неоднократно и въ разныхъ сочиненіяхъ подвергалъ суровой критикѣ, съ порпціаніемъ относился къ проявленіямъ абсолютизма—изъ „Путешествія“ видно, что если онъ—въ чемъ сомнѣнія нѣтъ—и желалъ ограниченія абсолютной верховной власти, то вовсе не въ силу признанія за каждымъ гражданиномъ права на извѣстное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, и вовсе не съ цѣлью обезпечить личную свободу каждаго отъ возможныхъ злоупотребленій

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ Сочиненія кн. М. М. Щербатова, II, 242—243.

этой власти, а исключительно въ интересахъ вельможъ. высшихъ представителей родовой аристократіи. И въ Комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, и въ своихъ сочиненіяхъ князь Щербатовъ всегда отстаивалъ прерогативы дворянства, утверждая великія заслуги его предъ отечествомъ и пользу для всего государства отъ сохраненія за дворянствомъ всѣхъ его прежнихъ исключительныхъ правъ—изъ „Путешествія“ мы видимъ, что у него носилась мысль о созданіи для вельможъ—и именно для вельможъ, а даже не для всего дворянства—совершенно особеннаго привилегированнаго положенія, которое закономъ обезпечивало бы имъ исключительное участіе въ дѣлахъ государственныхъ, власть надъ всѣмъ остальнымъ населеніемъ и особыя права; но Щербатовъ не возвысился до представленія о истинной свободѣ хотя бы даже для представителей одного этого привилегированнаго класса—и дворяне офирскіе, обладающіе широкими политическими правами, въ то же время въ своей личной, частной жизни стѣснены массою самыхъ мелочныхъ, пустыхъ предписаній чисто полицейскаго характера. Въ идеальномъ государствѣ князя Щербатова распространены въ большомъ количествѣ школы—но не говоря уже о томъ, что тамъ образованіе не равняетъ людей и мѣщанинъ съ какимъ угодно образованіемъ не получить тѣхъ правъ, какія дворянину дать самое рожденіе, а всегда останется мѣщаниномъ.—очень трудно, конечно, сочувствовать тому характеру воспитанія и обученія, который рекомендуется Щербатовымъ. Порядки русской областной администраціи не разъ подвергаемы были княземъ Щербатовымъ строгой и раздраженной критикѣ—но и своему идеальному государству онъ даетъ по существу то же самое, только съ увеличеніемъ еще формализма и канцелярщины, благодаря чрезвычайно сложной системѣ выборовъ, и съ предоставленіемъ еще болѣе рѣшительнаго значенія въ провинціи дворянскому элементу. Можно, кажется, сказать не впадая въ преувеличеніе, что все, отличающее по мнѣнію князя Щербатова въ выгодную сторону офирское государственное устройство отъ современнаго автору русскаго—является въ однихъ случаяхъ голымъ утвержденіемъ, что такъ лучше, безъ всякихъ доказательствъ и объясненій. чѣмъ и почему лучше, а въ другихъ—порядками прямо худшими сравнительно съ тогдашними русскими. Вообще „Путешествіе въ землю Офирскую“ не прибавляетъ положительныхъ чертъ ни къ представленіямъ нашимъ о самомъ авторѣ, ни къ представленіямъ нашимъ о людяхъ XVIII вѣка и о ихъ идеалахъ. Мы не хотимъ нмало дѣ-

зачерезчуръ широкихъ и общихъ выводовъ на основаніи того небольшого произведенія, которое мы разсмотрѣли; но намъ кажется, что въ этомъ произведеніи князя Щербатова выступили съ особенною яркостью нѣкоторыя черты, свойственныя мышленію и понятіямъ среднихъ людей XVIII вѣка вообще, быть можетъ, потому, что самая форма социальнаго романа, съ одной стороны побуждавшая автора касаться очень важныхъ и разнообразныхъ вопросовъ, съ другой—не стѣснявшая его никакими фактами дѣйствительности, содѣйствовала этому. Въ „Путешествіи“, какъ и во многихъ другихъ произведеніяхъ XVIII вѣка, насъ поражаетъ вполне искреннее сочетаніе такихъ положеній, которыя на нашъ взглядъ являются не только несоединимыми ни какимъ образомъ, а напротивъ, другъ друга исключаящими. Князь Щербатовъ рисуетъ государственное устройство, цѣликомъ сохраняющее тѣ отношенія разныхъ частей одного и того же народа другъ къ другу, въ силу которыхъ крайне неравномѣрно распредѣляются между гражданами государства выгоды и тягости, въ силу которыхъ одни получаютъ множество правъ надъ другими, правъ, какихъ добровольно надъ собою никто не уступаетъ и которыя каждый желаетъ и старается себѣ вернуть, если они утрачены—а вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ совершенно искренно вѣритъ, что такой порядокъ могъ быть установленъ добровольнымъ соглашеніемъ всего народа и, разъ установленный, вполне удовлетворяетъ всѣхъ и не вызываетъ желанія переменъ ни въ которой сторонѣ. Далѣе идти въ неумѣнны критически отнестись къ своимъ положеніямъ трудно. Но общая людямъ XVIII вѣка склонность довольствоваться одними построеніями разума, не провѣряя ихъ указаніями исторіи и жизни даже и тамъ, гдѣ эти указанія являются и необходимыми и неоспоримыми, привела князя Щербатова въ его изображеніи идеальнаго государства еще къ двумъ невѣрнымъ положеніямъ: — именно къ представленію о необычайной легкости улучшеній, о возможности пересоздать государство и народъ очень небольшою и несложною работою, и къ убѣжденію, вмѣстѣ съ тѣмъ, что возможно создать порядокъ вещей незыблемый, можно сказать, вѣчно—на тысячелѣтія. Офирское государство, оказывается, уже 1700 лѣтъ живетъ по законамъ, разъ даннымъ ему мудрымъ государемъ, и точное соблюденіе этихъ законовъ обезпечиваетъ благоденствіе государства; дѣлаются частныя переменны, улучшенія въ мелочахъ—но по существу все остается неизмѣннымъ. Между тѣмъ, ни о какихъ трудностяхъ въ проведеніи всѣхъ благодѣтельныхъ ре-

формъ ни разу не упоминается; каждое же новое поколѣніе, вѣроятно, усваиваетъ себѣ всѣ превосходныя качества гражданина путемъ изученія тѣхъ катехизисовъ, о которыхъ мы уже говорили. Въ „Путешествіи“, впрочемъ, князь Щербатовъ этой мысли — о легкости улучшеній въ жизни и понятіяхъ народа — не высказываетъ съ полною опредѣленностью; но мы нисколько не колеблемся приписать ему эту идею, какъ потому, что она съ необходимостью вытекаетъ изъ нѣкоторыхъ его разсужденій, такъ и потому, что въ другомъ его сочиненіи, писанномъ почти одновременно съ „Путешествіемъ“, идея эта выражается вполне опредѣленно ¹⁾; кромѣ того Верассъ, сочиненіе котораго такъ нравилось и такъ было распространено въ XVIII вѣкѣ, высказывался именно въ такомъ духѣ — онъ повѣствуетъ, что Севарамбы изъ совершенно грубыхъ дикарей въ теченіи всего 130 лѣтъ дошли до состоянія высокой культуры и самый языкъ свой, прежде грубый и бѣдный, разработали такъ, что онъ сталъ лучше латинскаго и греческаго ²⁾; совершенно такое же воззрѣніе ясно видно во многихъ распоряженіяхъ по учебной части, принятыхъ въ Россіи во время Екатерины II ³⁾. Наконецъ, тотъ же взглядъ можно видѣть

¹⁾ Никѣмъ въ виду статью „О способахъ преподаванія разныхъ наукъ“, II, 439—602. Тамъ князь Щербатовъ начертываетъ необыкновенно широкую программу для занятій молодому человѣку. съ первыхъ лѣтъ отрочества до 17—18 лѣтъ; программа эта обнимаетъ, можно сказать, программу трехъ университетскихъ факультетовъ, безъ медицинскаго, но за то съ присоединеніемъ многого изъ курсовъ специальныхъ военныхъ училищъ. II Щербатовъ думаетъ, что, слѣдующая этой программѣ, молодой человѣкъ приобрететъ способность судить о достоинствахъ и недостаткахъ крѣпостей, разбирать походы великихъ полководцевъ, указывать ошибки въ стратегіи зданій, основательно критиковать литературныя произведенія и даже самъ получить охоту писать и печатать свои произведенія; намъ совершенно ясно, что склонность и смѣлость судить о томъ, чего совершенно не понимаетъ, онъ, дѣйствительно, пожалуй, приобрететъ, но ужъ основательность въ знаніяхъ и сужденіяхъ — навѣрно нѣтъ.

²⁾ См. Histoire des Sevarambes, I, 24, 210, 284.

³⁾ Въ „Уставѣ Императорскаго Шляхетнаго сухопутнаго кадетскаго корпуса“, 11-го сентября 1766 г., — Полное Собраніе Законовъ, т. XVII, № 12741, стр. 959—992, читаемъ: „должно наипаче изъ сего корпуса произвеста и вопновъ, и гражданъ, искусныхъ въ политической экономіи и въ законахъ своего отечества, такъ, чтобы генералъ, одержавъ побѣду, могъ рѣшить судное дѣло въ Сенатѣ, распорядить теченіе доходовъ, поправлять земледѣліе, исполнять должность генералъ-полицеймейстера, чтобы изъ Сената, изъ Военной, изъ Комерцъ и Камеръ-коллегій и изъ другихъ правительствъ наки могъ ѣхать въ поле предводительствовать арміею и при назначеніи къ себѣ должности не было бы нужды разбирать время и особъ“ (стр. 969). Впрочемъ, въ распоряженіяхъ императрицы Екатерины

и въ дѣятельности виднѣйшихъ руководителей французской революціи, которые безусловно вѣрили въ истинность провозглашаемыхъ ими идей и въ возможность легко и быстро дать имъ господство не только въ умахъ людей, но и въ ихъ дѣятельности. Нельзя не смотрѣть съ нѣкоторымъ удивленіемъ, какъ эти люди, сами замышлявшіе и производившіе величайшія реформы, думали въ то же время, что они создаютъ и создадутъ нѣчто совершенно неизмѣнное ¹⁾. Эта вѣра во всемогущество истины была безспорно общераспространенною въ XVIII в.; множество мѣропріятій, множество фактовъ и явленій того времени могутъ быть объяснены только въ томъ случаѣ, если мы будемъ имѣть постоянно въ виду эту вѣру людей XVIII вѣка въ то, что казалось имъ истинною и чего они, часто даже въ доступныхъ имъ размѣрахъ, не подвергали критикѣ и провѣркѣ.

Всѣ эти взгляды основаны, по нашему мнѣнію, на склонности тогдашнихъ людей приписывать чрезмѣрно большое значеніе дѣятельности выдающихся личностей и совершенно забывать народную массу. Это было совсѣмъ въ духѣ просвѣщеннаго деспотизма—думать, что народная масса можетъ быть вполне направляема выдающимися дѣятелями и что безъ ихъ воли и прямаго воздѣйствія въ ней не могутъ зрѣть убѣжденія, не могутъ вырабатываться ни симпатіи, ни антипатіи, ни чувство недовольства,—медленно, сначала мало замѣтно, но потомъ пріобрѣтая огромную силу. Очевидно, что не только люди такой

по народному образованію, изданныхъ въ 80-хъ годахъ, эти взгляды уже не повторяются.

¹⁾ Ср. *Esmein*, *Eléments de droit constitutionnel*, Paris, 1896, 381—383: „La cause en était surtout la foi profonde qu'avaient ces hommes dans la puissance de la vérité. Ces dogmes politiques leur paraissaient si certains qu', pour eux, il suffisait de les proclamer et de les inscrire en tête des Constitutions nouvelles pour en assurer le respect efficace et éternel... Dans la discussion qui eut lieu à ce sujet à notre Assemblée Constituante en 1789 la même conception fut nettement énoncée: „Je crois, disait Target, que les droits des hommes ne sont pas assez connus, qu'il faut les faire connaître, je crois que, loin d'être dangereuse, cette connaissance ne peut être qu'utile. Si nos ancêtres eussent fait ce que nous allons faire, s'ils eussent été instruits comme nous le sommes, si les articles positifs eussent opposé des barrières au despotisme, nous n'en serions pas où nous en sommes. C'est en gravant sur l'airain la déclaration des droits de l'homme que nous devons faire cesser les vices de notre gouvernement et en préserver la postérité“.—Barnave disait aussi: „Je crois qu'il est indispensable mettre à la tête de la Constitution une déclaration des droits dont l'homme doit jouir. Il faut qu'elle soit simple, à la portée de tous les esprits, et qu'elle devienne le catéchisme national“.

энергія или такихъ широкихъ кругозоровъ, какъ Фридрихъ II, Екатерина II и Иосифъ II, но и совершенно средніе люди XVIII вѣка исходили въ своей дѣятельности изъ однихъ и тѣхъ же положеній, положеній, скорѣе привычныхъ, чѣмъ ясно сознаваемыхъ ¹⁾. Нуженъ былъ длинный рядъ событій, нужны были великія и потрясающія пережъны, чтобы эти воззрѣнія утратили господство, если не исчезли совершенно, чтобы люди поняли правильно, что существующія условія всегда нуждаются въ критикѣ и измѣненіяхъ, но въ критикѣ осторожной и внимательной, и что полезныя пережъны требуютъ нешрѣнно огромной работы и никогда нележки. Отличный примѣръ для выясненія того, какъ велика разница въ отношеніи къ одному и тому же вопросу и различіе въ разрѣшеніи его людьми XVIII и людьми XIX вѣка, мы можемъ почерпнуть въ одномъ изъ сочиненій князя Щербатова же.

Въ 1787 году Россію постигъ сильнѣйшій неурожай; во многихъ мѣстностяхъ начался ужасный голодъ. Князь Щербатовъ, чутко относившійся къ современнымъ событіямъ, написалъ разсужденіе, какъ снабдить хлѣбомъ голодающія мѣстности, а затѣмъ изложилъ на бумагу свои мысли и о томъ, какими бы образомъ улучшить въ Россіи земледѣліе и вообще сельское хозяйство до такой степени, чтобы подобные голодные годы не повторялись. И вотъ что онъ написалъ по этому поводу. „Весьма бы краткій мой предлогъ былъ, состоящій: *продать всѣ юсударственныя и экономическія деревни дворянамъ*, считая кругомъ по 80 рублей за душу, мельницы и другія оброчныя статьи, считая по нынѣшнему доходу проценту по 5 рублевъ со ста—что собирается; и продажу сего дѣлать распредѣля по чинамъ, въ прибавку къ имѣющимся деревнямъ, дабы большіе бояре и любимцы ихъ всѣ не расхватали и участки не столь велики были, чтобы за великимъ числомъ деревень и смотрѣнія за ними не было, и ниже бы кто могъ на выборъ оныя взять, а получать по жеребью, съ позволеніемъ мѣняться. Продажу бы сію дѣлать *не бравъ денги, но бравъ въ залогъ самья*

¹⁾ Ср. слова К. Н. Бестужева-Рюмина въ статьѣ: „Современное состояніе русской исторіи какъ науки“—*Московское Обзорніе*, 1832, кн. I, 19: „оба историка (Щербатовъ и Карамзинъ) смотрятъ на событія съ точки зрѣнія своего времени, представляютъ себѣ ростъ русскаго народа самымъ неестественнымъ образомъ.... Россія шла туда, куда се вели. Собственной инициативѣ общества не оставалось ничего дѣлать: общество, въ глазахъ историковъ прежняго времени—масса, лишняя самостоятельности, матеріалъ, изъ котораго каждый герой или полубогъ можетъ выгнывать все, что ему угодно“.

сіе деревни безсрочно, съ платежемъ процентовъ. Отъ сего бы пользы слѣдующія провозшли: каждый бы старался умножить разныя домо- строения въ сихъ деревняхъ; дворянство бы обогатилось, земледѣліе и другое домоводство умножились, службы наградились, крестьяне лучше бы управляемы и защищены были; домокъ бы не было и казна не токмо бы потеряла, но нашла прибыль въ денежномъ своемъ доходѣ; ибо продавъ каждую тысячу душъ по 80 р. за душу, казна съ прибавленіемъ взятыхъ пошлинныхъ денегъ, получить 84.000 р., съ которыхъ будетъ проценту 4.200 р., тогда какъ нынѣ и еще съ недоимками получаетъ токмо 3.000 р. Но льститься о семъ намъ не должно, мнимый проектъ сей, требующій въ некоторыхъ подробностей, болѣе распространять, ибо коль онъ ни полезенъ есть, но исполненъ не будетъ, до того, пока у насъ не познаютъ прямую пользу короны, чего во сто лѣтъ неуловительно быть“¹⁾.

Такъ писалъ князь Щербатовъ въ 1787 году и безъ сомнѣнія совершенно искренно²⁾. Прошло 75 лѣтъ—и крестьяне были отпущены приблизительно на такихъ условіяхъ, но не государственные во власть помѣщичьихъ, а помѣщичьи на свободу. Это сопоставленіе показываетъ, какая громадная разниа во взглядахъ и въ пониманіи задачъ государства и правъ личности у людей XVIII и у людей XIX вѣка; такая огромная разниа должна была образоваться для того, чтобы совершилось это величайшее дѣло XIX вѣка, которое доказываетъ лишній разъ, что высокая идея всегда торжествуетъ и исторія котораго является виѣстѣ съ тѣмъ самую свѣтлою страницю всей нашей исторіи.

¹⁾ Сочиненія кн. М. М. Щербатова, I, 667—668; курсивъ нашъ.

²⁾ Точно также другой дѣятель XVIII вѣка, котораго высокая честность и строгое отношеніе къ своему долгу не могутъ подлежать никакому сомнѣнію, кн. Я. П. Шаховской, совершенно искренно написалъ самъ въ своихъ запискахъ: „Еще произведено подъ его (авторъ говоритъ тутъ о себѣ въ третьемъ лицѣ) стараніемъ полезнаго, а именно... дозволилъ (сенатъ) помѣщикамъ отдавать за продержки людей своихъ и крестьянъ на поселеніе въ Сибирь съ зачетомъ въ рекруты, отчего нынѣ уже тамъ въ пустыхъ мѣстахъ селенія и земледѣліе во многія дальновиднымъ для имперіи поюзамъ оказываются“—„Записки кн. Я. П. Шаховскаго“, С.-Пб. 1872, VII.

